

**Орхан
ГУЛИЕВ**

22 ДВАДЦАТЬ ДВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Орхан Гулиев

22 (расширенная версия)

«Автор»

2026

Гулиев О.

22 (расширенная версия) / О. Гулиев — «Автор», 2026

Роман написан в 2011 году. издан в 2014 году. Переиздан в расширенной версии в 2016. Мир рухнул в один день. Мужчины падают без видимой причины, города охватывает паника, а по улицам начинают бродить ОНИ — люди, потерявшие рассудок и жаждущие только крови. Никто не знает, что это: вирус, биотерроризм или кара небесная. Официальные власти молчат, а те, кто понял правду, уже бегут.

© Гулиев О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

22 (расширенная версия)

•

– Что Вы скажете о непонятной напасти, которая стала проявлять опасную тенденцию, и в последнее время принимает угрожающий рост, собирая свой урожай именно среди мужского населения?..

– Вы говорите об участившихся случаях гибели мужчин, вроде бы здоровых по всем аспектам?

– Да, именно об этих участившихся случаях.

– Несведущие люди думают, что это инфаркт, но это совсем другое... Люди просто падают, теряя силы. В них, словно отключается «батарейка жизни». Просто раз, и все. Может, сказываются какие-то ослабевающие факторы. Стресс, например.

– Вы пугаете меня. Я тоже молодой мужчина, в самом расцвете сил. Так что же это может быть, и не перерастет ли это во что-то глобально-серьезное, например, в истребление мужского населения планеты Земля?

– Я не думаю, что все это зайдет так далеко. Во всяком случае, врачи пока умалчивают.

– Не будет ли потом слишком поздно трубить во всеуслышание? И главное – услышит ли кто потом этот трубный глас?

Глава 1.

Кто это в сумраке?

– Всеми уважаемый плохой парень, дайте закурить.

– Я только что бросил.

– Черт побери, Мейсон, от тебя не дождешься даже сигареты.

– Послушай... Покупай себе сам. Я тебе чем-то обязан?

– Да, отморозок, сукин ты сын! Сейчас в зубы схлопочешь!

В грязном переулке, с нависающими над головами ржавыми балкончиками дешевых отелей для малоимущих, стояла дымка. Невдалеке построили дорогу, и теперь по ней без усталости сновали взад-вперед машины. В большом городе трудно все успеть, а влачащим жалкое существование было все равно. На них наплевал город, на них наплевало общество. Их матери гнили в этих убогих домах, в районах, куда не сунется богач, даже если захочет подумать, что он один из «элиты» серых кварталов, заигрывая таким образом с простым народом, теща свой лжепатриотизм. Длинная цепочка из человеческих судеб не остановит свой ход, если одно из ее звеньев оборвется. Никто не обратит внимание на того, кто потерялся в пути, обессиленным – нет места! Для этого общества они все отбросы, как отработанный, никому не нужный материал. Они просто числятся обитателями Земли, состоя в одной цепи из восполнимых звеньев.

Район тьмы. Под видом красивой оболочки

– Ма-ам, я дома.

– Где ты был?

Брюс бросил рюкзак на порванный диван в гостиной...

Дом 480, кв. 5

– Ты опять не был в школе?

– Я был, просто ушел с последних двух уроков.

– Куда?! – закричала она из кухни.

Брюс направился в комнату, никак не отреагировав на окрик.

Это была старенькая квартира без ремонта, состоящая из двух маленьких комнат: гостиной, где спала его мать, и небольшой комнатки в конце длинного узкого коридора. Телевизор с черно-белым кинескопом показывал лишь пару центральных каналов. Этого было достаточно, им этого хватало...

– Опять тебя где-то черти носят! – продолжала она кричать из кухни, действуя ему на нервы. – Небось, опять со своим дружком Мейсоном шляется? Чему он тебя научит? Колоться? Он же бродяга, его мать неизвестно от кого родила...

Брюс зашел в комнату и захлопнул дверь, но ворчание матери все равно доносилось из кухни. Чтобы как-то отвлечься, он вытащил из-под кровати ящик от старого шкафа: в нем хранилось разное, отслужившее свой век барахло. Только для Брюса это были уникальные, единственные в своем роде вещи. Он стал перебирать их, наполняя комнату шумом.

– Ты с ним доиграешься, дошлешься, пока и тебя и его не отправят в камеру. Ты этого хочешь, Брюс? Хочешь, чтобы мое сердце разорвалось? Я с тобой разговариваю, Брюс Грин! Выйди сейчас же из комнаты!

– Черт, чего ты хочешь?! – прокричал он, нервно ковыряясь в ящике, полном каких-то запчастей от мотоциклов, там же валялись ножи, провода, старые шариковые ручки и еще много, что могло, по его мнению, пригодиться...

– Ты как со мной разговариваешь? А ну выйди сюда! Слышал бы тебя твой отец. Чертово отрепье, оставил подарочек.

– Он уже умер, отстань хоть от него, – тяжело вздохнув, ответил Брюс.

– Ты мне еще там подерзи. Что ты там делаешь? Иди сюда.

– Я занят, мам.

Длинные грязные пряди волос падали на глаза и мешали ему искать в ящике какие-то инструменты, срочно понадобившиеся Мейсону. На Брюсе была дермантиновая куртка, покрытая мелкой паутиной трещин и старые потертые джинсы, кое-где, они уже были протерты до дыр. Он сидел на полу, перебирая ржавые железяки. Сидел и слушал мать, временами тихо отвечая ей...

– Подойди сюда, я тебе говорю. Что ты там делаешь? Надо было мне выходить замуж за Вилли, когда он предлагал. Помнишь полицейского Вилли? Нет, решила, дура, что он не любит детей. Не хотела, чтобы у тебя был отчим. Теперь вот должна сидеть и ждать, пока ты нашлаешься где-то на свою голову. Он бы тебя воспитал, как положено, уж будь спокоен.

– Да, мам.

– Хватит там мычать. Подойди сюда.

Он положил найденную вещь в карман и, задвинув ящик под кровать, направился к кухне. Идя по коридору, Брюс, слыша крики матери, все равно продолжал думать о своем.

– Что?

– Пришел, наконец. Посмотри, в каком ты виде. Подойди сюда.

– Я уже прямо перед тобой. Что ты еще хочешь?

Она сидела у окна небольшой кухоньки. На двухкомфорочной газовой плите уже закипал чайник. Маленький столик с двумя задвинутыми под него табуретами еле умещался под подоконником. В углу расположилась ржавая раковина. Грязные стены когда-то светло-голубого цвета были покрыты облупленной краской. Между газовой плитой и раковиной было свободное пространство, где с трудом умещалась кухонная тумба с набитой в нее посудной утварью. Все в одном месте, чтобы не надо было долго искать – иных излишеств не было.

– Надо сводить тебя в парикмахерскую.

– Зачем? Лучше сама сходи.

– Может, я лучше знаю?

– Нет, мам, я не пойду сейчас в парикмахерскую, – произнес Брюс, заглянув в маленький холодильник, нашедшим свое место на тумбе и глухо побряхтывающим каждый раз, как открывали дверь в это «морозильное царство».

– Пока я всех кормлю, мне и решать, пойдешь ты в парикмахерскую или нет. Ты куда опять собрался?

– К Мейсону, – назло ответил он, откусив кусок от пожухлого яблока, и направился к выходу.

На его лице в отместку матери появилась улыбка. Эта улыбка говорила, что он рад, что сумел задеть ее чувства. Рад, что сейчас снова услышит...

– Можешь домой не приходите! Оставайся у Мейсона. Я один раз поймаю его и упеку за решетку, тогда посмотрим, как ты будешь с ним встречаться, с этим оборванцем! Если ты выйдешь за эту дверь, то больше не войдешь...

– Отлично.

Он громко хлопнул дверью, не дав ей договорить. Ее крики стали не так слышны, а потом и вовсе прекратились. Может, она просто замолчала, услышав, что дверь захлопнулась? Скорее всего, это так...

Пройдя всего через три ступеньки, он сразу оказался в выбоине – таких ям здесь хватало на каждом шагу (тротуар не ремонтировался уже очень много лет), и быстро направился в сторону от своего дома.

– Брюс, Брюс! Да постой ты!

– Что тебе надо?

– Не хочешь купить классный телефон?

– Откуда он у тебя?

– На улице нашел, – хитро прищурившись, ответил подросток в очках с треснутым правым стеклом. Он переминался с ноги на ногу, как будто в любой момент готов был дать деру.

– А где Мейсон?

– Откуда я знаю.

Они шли вниз по дороге, где в ряд расположилось несколько магазинов, больше похожих на захудалые киоски. В них почти ничего не было стоящего. Какие-то из них были брошены хозяевами и в конечном итоге побиты камнями местными хулиганами. Дорога спускалась вниз по крутому склону.

– Этот сукин сын разбил мне губу, – жаловался очкарик.

Так его и звали в этом квартале – Очкарик, который все время мерз и кутался в дутую куртку.

– Когда?

– В эту среду. Поймал меня в переулке. Зачем ты с ним вообще дружишь?

– У тебя забыл спросить. Твоему отцу не нужен телефон? Ему и продай.

– У него есть, – очкарик сутулился и прятался в воротник куртки. – А тебе не нужен?

– У меня тоже есть. У меня с сенсорным экраном. Чего это он тебя ударил?

– Иди у него и спроси, ты же с ним дружишь.

– Но он же бил тебя по рылу, вот ты и отвечай.

– Мне домой надо. Отец будет волноваться. Я сегодня школу прогулял.

– Я тоже. Там что-то не так. Говорят, нас будут на неделю распускать.

– В смысле?

– Карантин.

– О-о-о, уже хорошо, хоть отдохну от этой школы.

– Ты же и так ничего не делаешь.

– Я, в отличие от тебя, учусь.

– Еле-еле, так и я могу. Этот последний класс... он меня доконал. А еще экзамены сдавать.

– Ладно, сдашь... – прикоснулся очкарик к его плечу. – Мне надо идти. Не говори Мейсону, что мы с тобой виделись.

– А что, ты его боишься? Такой трус что ли?! – прокричал Брюс в след уходящему подростку.

– Да иди ты!

– Он правильно тебя бьет, – улыбаясь, Брюс направился в противоположную сторону, а очкарик лениво и неохотно поковылял вдоль тротуара, держа руки в карманах куртки и глядя вниз, пиная заросший мхом камушек.

Переулок трущоб

– Брюс, как ты меня нашел?

Он подходил все ближе. Его друг Мейсон стоял, прижавшись к стене дома, упираясь в нее согнутой в колене ногой. Он был старше Брюса всего на год, а выглядел гораздо взрослее. Брюсу больше подходили такие друзья из местной братвы, как Очкарик Гай или Альберт, уже определивший свою судьбу – будущий адвокат, один из лучших в своем деле, по крайней мере, Альберт всегда так твердил. Но с Мейсоном Брюс чувствовал себя старше и уверенней. Что скажешь, такой был их возраст...

Брюс встал рядом, облокотившись о стену, и мельком поглядывал на тех, кто проходил мимо. Мейсон курил, а Брюс просто стоял за компанию, вдыхая дым от его сигареты.

– Какая-то у тебя странная сигарета.

– Угадай, кого я встретил с утра пораньше? – промолвил Мейсон, блаженно затягиваясь.

– Ричи.

– Как ты узнал?

– Слушок был, что он на побывку к мамочке приехал. Он конченный, ты с ним вообще не общайся, как и с теми, кто рядом с ним околачивается. Его всегда отмажут. Это тебе не Гая в глаз бить, там покруче будет.

– Да все нормально. Так, цеплялся, просил закурить. Хоть бы поскорее убрался отсюда, а то всех уже достал. Нарвется, думаю, скоро.

– А куда он собирается?

– Отец отдает его учиться в какой-то военный колледж, окончательно, подальше отсюда.

Он выкинул сигарету. Она отлетела, ударившись о стоящий рядом зеленый мусорный бак, и подкатилась под самые ноги Брюса. Внешность и манеры Мейсона были вполне взрослые, точно так же, как и мировосприятие Брюса. Он бы не стал дружить с кем-то, не похожим на себя. Мейсон был скрытный и мало с кем общался. В квартале он считался неким авторитетом. Сверстники казались ему детьми. И, правда, он казался старше, опытнее и хладнокровнее, и всегда держался особняком. Нет, он не был изгоем. Ему просто незачем было тратить на посторонних свое время. Он зря не обидит и себя в обиду не даст.

На его лице, придавая ему суровость, красовался шрам от удара. В пятом классе его ударил по лицу местный злодей того периода – Ричи Фенкол, толстяк, который бил всех, долго не выбирая. Он все время ходил с подтаявшим фруктовым мороженым, даже когда ему исполнилось пятнадцать лет, исподволь демонстрируя свой невысокий интеллект и уровень развития. Неизвестный отец, которого никто никогда не видел, забрал его от матери, а мать осталась здесь... Сегодня Ричи Фенкол напомнил о себе вновь.

– А ты тоже пойдешь в колледж?

– Кто меня возьмет... Слушай, ты принес то, что я просил?

– Да, вот они, – Брюс протянул ему какие-то автомобильные запчасти.

– Мы не плохие, Брюси. Нас просто не любит судьба.

– Это ты к чему?

- Опять не понимаешь?
- Ты так некстати сказал...
- Я просто вспомнил...
- Что вспомнил, Мейсон?
- Проехали, – застегнув карман куртки, произнес он. – Что-то холодно. Может, пройдемся?
- Я понял, тебе понравился взгляд милой молодой леди, которая прошла мимо нас.
- С чего ты взял?
- По тебе видно. Я всегда все чувствую, иначе какие мы друзья. Кстати, она смотрела на тебя, как на взрослого.
- А кто я, по-твоему? – уныло произнес Мейсон.
- Ты же видел, сколько ей... Лет двадцать пять. Ты для нее еще малолетка, а как она на тебя посмотрела...
- А ты что, завидуешь? – улыбнулся он, посмотрев на Брюса.
- Я? – удивился тот. – Куда там... Она не в моем вкусе.
- Да ты что? А что ж ты на нее так пялился?
- Как?..

Они продолжали пререкаться, а поднятый потоком воздуха пакет, казалось, следил за ними, потихоньку летя следом.

Весь день они проболтались на улице и лишь к пяти часам возвращались к дому Брюса. Мейсону было по пути, его дом стоял чуть дальше на той же улице. Вдруг раздался вой сирены.

- Ты слышишь? Что это?
 - Не знаю, – пробормотал Мейсон.
 - Может, опять банды?
 - Думаешь, опять кого-то ловят? – Мейсон зло сплюнул под ноги.
- Звук сирены почти оглушал их, заставляя смотреть в ту сторону, откуда он доносился.
- Пойдем, посмотрим? – предложил Брюс.
 - Зачем? Лучше пойдем по домам.
 - Брюс, заходи в дом! – закричала из окна мать, испугав его.

Парни обернулись. Мать Брюса выглядывала из окна, всем своим видом показывая свое нежелание видеть рядом со своим сыном его закадычного друга.

- Заходи в дом, – еле сдерживаясь, грозно произнесла она.

Ее пережатые сухие волосы торчали в разные стороны, будто старый, пожеванный парик. Рыжий цвет давно выцвел и неудачно соседствовал с отросшими черными корнями, придавая ей еще более устрашающий вид. Нормальную парикмахерскую она лет семь в глаза не видела, подстригаясь у подруги по соседству.

– Сейчас, мам. Можно мы сходим туда? – махнул он рукой в сторону, откуда раздавался вой сирен.

- Куда туда?
- Там что-то случилось, мы только посмотрим.
- Иди в дом! – твердо сказала она сыну, глядя осуждающим взглядом на Мейсона и давая ему понять, что он сбивает с толку ее чадо. Тот лишь опустил голову, разглядывая что-то на асфальте.

– Мы сейчас, – Брюс все равно побежал на вой сирен. Мейсон молча последовал за ним, еще раз столкнувшись взглядом с его матерью.

Брюс споткнулся и чуть не упал, но все равно бежал, чтобы не услышать материнского отказа. Как бы ни пытался он казаться старше, в его манерах неизменно проскальзывала инфантильность, отчего он и не мог дотянуться до своего сурового друга.

- Быстрее, где ты там?! – обернулся он назад, перебегая улицу и спускаясь к трассе.

Мейсон молча прибавил шаг. У дороги Брюс остановился, поджидая приятеля.

– Она ушла? – торопливо спросил он Мейсона.

– Еще постояла у окна, – уныло произнес тот.

– Пошли быстрее, – произнес Брюс, кивнув в сторону светофора.

Он быстро, по-спортивному шагнул с тротуара на полосатую дорожку зебры. Звуки сирены раздавались слева, они ускорили шаг, а потом и вовсе побежали. Мейсон уже не отставал, заразившись желанием Брюса поскорее узнать, чем вызван этот переполох.

Минуя угол дома, молодые люди остановились у столпотворения машин и людей на дороге. Все стояли и на что-то смотрели, но друзьям не было видно, что там происходит. На дороге расположились две полицейские машины и еще несколько автомобилей. На противоположной стороне стоял Альберт, тоже наблюдая за происходящим с некоторым профессиональным интересом будущего адвоката. Он шел с тренировки, в руке у него был небольшой полотняный рюкзак со спортивной формой.

– Что там, ты видишь?

– Нет, – ответил Мейсон, не понимая, что происходит. Машин они насчитали с десятков, толпа все разрасталась.

– Уходим отсюда, – резко произнес Мейсон, почуяв опасность. Его интуиции можно было доверять. Брюс оглянулся на Альберта, который пристально вглядывался в толпу.

– Давай перейдем к Альберту, может, там лучше видно?

– Давай уйдем поскорее! – сквозь шум толпы прокричал Мейсон.

– Я все-таки пойду, – упрямо сказал Брюс, как маленький ребенок выбежав на дорогу.

– Стой, Брюс! – кричал ему в след Мейсон.

В поисках лучшего места для обзора Брюс перебежал к Альберту, поздоровался и дружески помахал Мейсону, призывая друга последовать его примеру.

– Черт, – удрученно произнес Мейсон, заметаившись из стороны в сторону. Он походил на встревоженного зверя в запертой клетке, всем сердцем чувшим опасность. Комок подступил к горлу, заставляя сердце отчаянно биться. – Иди сюда! – кричал он Брюсу.

– Сам иди, – ответил Брюс, улыбаясь, и снова помахал рукой.

К большой толпе прибавилось еще несколько людей, прибежавших с окрестных улиц.

– Мейсон, иди к нам! Отсюда лучше видно!

– Что там?! – из самого центра толпы до Мейсона донесся чей-то захлебывающийся рев.

Он посмотрел на Брюса, а тот, словно услышав его предостерегающий внутренний голос, соскочил с тротуара, где стоял Альберт, желая прорваться назад к своему другу. И в этот момент позади Мейсона что-то взорвалось, кусок оторванного металла, пролетев над его головой, вонзился прямо в грудь бежавшего к нему Брюса.

– Не-е-ет!!!

В ту же секунду толпа ринулась в стороны, сбив с ног Альберта. Отбежав от горящего киоска, Мейсон с ужасом смотрел, как обезумевшие люди с криками топтали друг друга. Паника была не от взорванного магазина. Над этим всем витал совсем другой страх.

В ужасе, что Брюс погибнет под ногами напуганной толпы, Мейсон метался, боясь потерять его из виду. Из горла Брюса шла кровь, он тщетно пытался удержать ее рукой, умоляюще глядя на Мейсона.

– Помоги... помоги мне... – свободной рукой тянулся он к другу.

Мейсон увидел тех, кто бежал, запрыгивая на спины горожан, и ступор полностью парализовал его...

– Что это?..

– Помоги мне, – шептал Брюс приглушенным слабеющим голосом. Из-под его тела растекалась лужа крови. – Помоги мне...

Мейсон ощутил на себе взгляд мужчины. С бешеными глазами и кровавым оскалом, тот прорывался к нему через толпу и машины, яростно раскидывая всех, кто попадался ему на пути. Он был с короткой стрижкой морпеха и в потертой темно-серой куртке. Забыв про то, что Брюс ранен, Мейсон сломя голову кинулся в сторону своего дома. Он свернул в первый же переулочек между высотками, несмотря на сильную одышку, не снижал темпа, разбивая ногами коробки, брошенные в этом грязном, пахнущем мочой закоулке. Крики преследовали его, заставляя бежать еще быстрее, чтобы больше не слышать их...

– Срочное сообщение, срочное сообщение!

Всем жителям Аллайанс, Омаха, Колумбус, Фримонта, Мак-Кук, Саут-Су-Сити, Норт-Платт, округа Адамс, Диксон! Эвакуируйтесь!

Повторяю:

Это не учебная тревога.

Все, кто нас слышит по радио, немедленно эвакуируйтесь!

Это не учебная тревога. Повторяю: не учебная тревога!

Вас эвакуируют военные.

Оставайтесь на своих местах и ждите прибытия военных.

Вы должны собрать только самое необходимое.

До прибытия военных у вас должны быть собраны вещи.

Повторяю: это не учебная тревога.

Все, кто нас слышит!

Оставайтесь на своих местах и ждите военных, ждите военных!

Это не учебная тревога...

Старый Кадиллак подъезжал к какому-то городку, что-то вроде небольшого поселения. Там было тихо. Слишком тихо для этих дней. Может, и до них добралось это безумие, хотя не похоже было, что здесь произошло что-то страшное. Но кто мог поручиться за это?

Несмотря на сомнения, ему было не миновать этих мест. Впереди предстоял долгий путь, и нужно было чем-то запастись. Он медленно ехал по пустынным улицам, оглядываясь по сторонам. Странный городок: здесь все замерло в преддверии чего-то неумолимо грядущего и карающего за все грехи, что лежали на пороге каждого обывателя.

Мне казалось, что жители набросятся на меня из небольших домиков, которые и составляли это маленькое местечко. Проезжая по центральной улице, я почувствовал на себе чей-то взгляд. Кто-то посмотрел на меня в окно и быстро скрылся за занавесью. Было опасно выходить из машины. Это подбиралось и сюда, как будто спешило обогнать меня. По радио передали, что оно распространяется с невиданной скоростью, не заставляя себя долго ждать.

Я осторожно вышел из автомобиля, крепко держа в правой руке ключи от угнанной мной машины (своей машины у меня никогда не было, как и прав на нее), и направился к небольшому супермаркету. Двери автоматически открылись перед моим лицом. Скорее всего, это единственный супермаркет в этом поселке, где можно было взять хоть что-нибудь из еды. Я зашел туда, пугливо озираясь на длинные, почти пустые ряды полок.

Может, местные жители караулят приезжих, чтобы потом напасть?

Медленно подошел к столику кассира. Касса находилась недалеко от дверей. У аппарата сидела женщина с отстраненным взглядом.

– Здравствуйте, – поздоровался я.

Она кивнула, не ответив словом. Это была зрелая женщина с гладко зачесанными волосами и темным загорелым лицом.

– Можно у вас отовариться? Я здесь наскоком, – пытался я с ней пошутить, но шутка выглядела уныло.

Подозрительно глядя на меня, она утвердительно кивнула.

– Это хорошо, – тихо сказал я.

Продвигаясь вперед, я осторожно снял пакет из стопки, висевшей у кассы, и пошел вдоль навесных рядов, на которых почти ничего не было. Второпях, не выбирая, кидал все в пакет. Заполнил его доверху печеньями и сладкой коллой. Когда места в пакете больше не осталось, я направился к кассе.

– Вот, возьмите, – торопливо сказал я кассирше.

Та неторопливо, сомнамбулическими движениями начала вытаскивать все содержимое пакета, поднося каждую покупку к кассовому аппарату. Удручающе затягивая время, вытаскивала все пачки печенья, оглядывая их со всех сторон, затем баночки с коллой. Вновь посмотрела на меня вопрошающим взглядом.

– Почему у вас так тихо?

– С Вас сорок семь.

Я вытащил из внутреннего кармана куртки черный бумажник и спешно положил деньги на кассу.

– И все же, почему в городе такая тишина?

– Почти все уехали, – коротко ответила она, снова пристально посмотрев в мою сторону.

– Сдачу оставьте себе, – произнес я, ловко подхватив бумажный пакет с продуктами, и быстро направился к дверям.

Дойдя до машины, я кинул на заднее сидение всю мою нехитрую снедь. Потом уселся в автомобиль, наблюдая при этом за тихой улицей. Немного посидев в машине, я решил, что жители этого периферийного городка никуда не выезжали и чего-то ждут, попрятавшись по домам, которые казались покинутыми домочадцами. Здесь была гнетущая атмосфера. Каждый дом выглядел уныло, сквозь плотно задвинутые шторы глаза их хозяев следили за мной. Я чувствовала их взгляды. Нет! Из этого города никто не выезжал. Просто люди, как обреченные жертвы, были готовы к тому, что с неумолимой неизбежностью надвигалось на них. Черт, как же паршиво. Паршиво быть одному в этом мире.

Когда я уже выехал на окраину городка и с видимым облегчением улыбнулся оттого, что смог благополучно выехать из этого мрачного места, как вдруг...

– Уезжай! Убирайся к дьяволу! – прокричал кто-то сзади, ударив ногой по песку в сторону моей машины. Это был какой-то старик, явно не обрадованный моим визитом. Дряхлый, трясущийся старик в выгоревшей рубашке и черных старых брюках, мешковато висевших на нем. Его руки походили на тоненькие тростинки, обтянутые темной, загорелой кожей.

– Пошел к черту! Это не твое место! Ты даже ничего не понял...

– Ты совсем спятил что ли, старый мудак?! – прокричал я ему, оставляя клубы пыли за собой.

Старик все продолжал смотреть в мою сторону.

– Чужой... Заблудший!

– Вот уж неожиданные проводы, – шумно втянул воздух и смачно сплюнул в открытое окно Мейсон.

Всем постам!

– На территории парка была сбита женщина. Всем, кто меня слышит!..

Я повторяю: всем, кто меня слышит...

...

– Нико, что там у тебя?

– Они загрызли женщину. О Господи, они жрут ее!.. Боже мой!..

...

– На 25-ой авеню неизвестный ест лицо мужчины.

...

– Всем постам: немедленно задержать мужчину в кожаной куртке! Только что была убита женщина.

...

– Сбили коляску с младенцем. Машина скрылась.

...

– Подъезжайте к 17-й стрит. Здесь ранили мужчину в живот. Повторяю: ножевое ранение в живот. Нужна скорая помощь, прием.

– Вас поняли... Все, отбой...

Мечты так суетны. Бывает, думаешь о том, чего еще нет – о будущем, и не обращаешь внимание на такие «мелочи», как время. Мечтаешь потому, что это единственное, что у тебя не отбирают. Как смешно и глупо самообольщаться о несбыточном, заглядывать вперед на десять, пятнадцать лет, не обращая внимания на проходящую мимо повседневную жизнь, не беря в расчет годы, которые надо еще пережить, чтобы добиться исполнения своей заветной цели. Каждому дано это право. Это единственное, что мы можем себе позволить, единственное, чего у нас не отнять, – право на мечту. Однако мечты обманывают нас, заставляя в них верить, думать о них, жить ими. Но, увы, я не могу ничего с собой поделать, я все равно буду мечтать и верить в лучшее...

Нашу соседку убили, когда она выехала за покупками на рынок. Убили за гроши. Простая поездка за хлебом оказалась последней. Она была хорошей женщиной, матерью двоих детей. Делилась своими планами, простыми мечтами о детях, об их будущем. И все это рухнуло в один момент. Перечеркнули чью-то жизнь, а с ней было связано так много судеб. После этого во мне что-то надломилось, может, это и глупо, но сейчас я боюсь даже думать о будущем. Будь, что будет, и да поможет нам Бог.

12:30

Мы ехали не останавливаясь, пока вдали не показалась машина, чуть съехавшая с дороги. Кто-то стоял около нее, какой-то мужчина в клетчатой рубашке с подвернутыми рукавами махал, чтобы мы остановились. Мы постепенно сбавляли скорость, но отец не собирался останавливаться, продолжал ехать и приглядывался к стоящему человеку. Рядом с ним стояла светловолосая женщина, держа на руках младенца. Она смотрела на приближающуюся машину, качая малыша, завернутого в белую простыню, из-под которой его не было видно.

– Давай остановим.

– Нет.

– Почему?

– Им может понадобиться наша машина.

– Там ведь ребенок. Может, им нужна наша помощь, – говорила я, стараясь переубедить отца, в панике наблюдая за людьми, отчаянно пытавшимися привлечь наше внимание...

– Ну же, папа! Мы не должны бросать их здесь.

Он лишь прибавил газу, как вдруг женщина с младенцем на руках выскочила вперед и кинулась под наши колеса. Отец резко затормозил.

– Слава тебе, Господи! – воскликнула она. – Вы нам поможете, мистер?

Она подошла к окошку автомобиля, к нам же, направился и здороваяк...

– Мистер, помогите нам! Мой малыш... У нас нет воды. Нам пробило колесо, мы уже полдня стоим здесь. Мистер, я прошу Вас!

Но у нас самих не было воды, не было и шины. В это время к машине вплотную приблизился мужчина, отталкивая обезумевшую мать в сторону. Она громко плакала и умоляла о помощи.

– Слава Богу! Мы здесь стоим уже весь день. Никто не останавливает. Ребенок хочет пить.

– Да, конечно. Но у нас мало воды. Мы с вами поделимся. Простите, у нас нет шины.

– Возьмите нас с собой.

– Агнес, дай воды.

– Возьмите с собой хотя бы мою жену с ребенком.

– Вот, возьмите воду.

– Вы что делаете?.. Не уезжайте!

ХЛОПОК ЛАДОНЯМИ ПО СТЕКЛУ ДВЕРИ.

– Не уезжайте, черт!.. Черт бы вас побрал!

– Пристегнись, Агнес.

– Господи! – кричала женщина, упав на засыпанную песком дорогу.

Мужчина продолжал бежать за машиной и бить по горячему капоту.

– Не уезжайте... Нет!

– Господи! – кричала женщина, запрокинув голову.

Чем сильнее машина набирала скорость, тем дальше оставался бегущий за нами мужчина. Крик отчаяния молодой матери продолжал преследовать нас, казалось, он достигал небес. Она сжимала младенца так крепко, что было страшно, что невзначай задушит его. Эта бедная женщина была в белой ночной рубашке, как скорбное изваяние, как Мадонна, убитая горем за свое дитя. Она выбежала из дома, не успев одеться. Мы-то успели...

Меня терзало чувство вины. Мы бы могли взять их с собой, а не оставлять умирать в пустыне.

Дальше мы ехали молча. Не хотелось говорить. Похоже, отец тоже не горел желанием общаться.

– Мы бы не смогли их взять с собой.

– Что? У нас пустая машина.

– Слишком опасно.

– Что же опасного? Они были здоровы, они были с ребенком.

– Слишком опасно. Мы дали им воды. Мы помогли им и так. Агнес, это не игра. Ты еще многого не знаешь. Поверь, Агнес, мы поступили правильно.

– Эта вода им не поможет.

– Бог мне судья, Агнес! Я понесу свое наказание за это. Но зато буду знать, что спас тебя.

– Ты чертов псих! – не выдержала я.

Он ничего не ответил, продолжая вести машину. Я сидела сзади, за его креслом, сидела и не хотела его видеть.

– Шевелись.

– Куда еще, – женщина, переваливаясь с ноги на ногу, тащила две тяжелые клетчатые сумки, держа их за длинные ручки, завязанные между собой. Позади нее шел мужчина.

– Надо остановиться.

– Думаешь, мне легко? – ответил он ей.

Они шли по открытому месту, это были просто метры, которые нужно было пройти, чтобы добраться до леса, черной линией видневшегося впереди. Еще очень долго надо было идти через поле с твердой землей, с маленькими оврагами и ямами. Дорога, от которой они уходили, осталась позади. Бросив там свою машину, Чарльз не хотел останавливаться, не давая передышки своей спутнице. Он всегда был таким занудой, бездумно прущим вперед. Он нико-

гда не останавливался на полпути. Этим он ее и взял, за это она его и полюбила. Но иногда это становилось невыносимо.

Она шла, твердо зная, что остановки не будет, муж не разрешит. Кэролайн слышала его шаги и гул ветра, порывы которого проникали под одежду. Тяжело дыша, согнувшись, они шли к лесу. Муж был прав, они были слишком открытой мишенью. Он шел, что-то бормоча себе под нос:

– ...Всегда приходится вот так вот топать, такова моя жизнь. Как же я устал. И Бог услышит меня...

Когда-то, он бы причалил к своему берегу, как натруженный, потрепанный на волнах судьбы ялик, нашел бы свое место под солнцем, но этого места словно нигде не было, оно исчезло, оставив после себя лишь тень, иллюзию и надежду. Так вся его жизнь проходила в дороге.

Он остановился... Она, не слыша больше его шагов, продолжала идти дальше. Вдруг что-то заставило ее обернуться – тот ветер, что неистово выл в уши. Холодный ветер надежд, он кружился вокруг, посылая за призрачный горизонт.

– Чарльз?.. – удивленно произнесла она, увидев его лежащим лицом вниз.

Сумки выпали из рук, и она побежала к своему мужу, к тому, чье брюзжание было ей так дорого.

16:30

Воздух застыл от зноя. По дороге мне встретилась семья – парочка с новорожденным ребенком. Несмотря на здравый смысл (было опасно с кем-либо контактировать), я не мог их оставить и проехать мимо, они были совсем в бедственном положении. У них сломалась машина, и вот уже как целые сутки эти люди стояли на трассе, голосуя под солнцепеком. Надеяться на что-то лучшее кроме меня им не стоило, а вскоре и моя машина стала давать сбой.

17:30

Округ небольших поселений

Местность под названием «Тишь»

Пустыня наконец-то заканчивалась, и мы начали ощущать другую атмосферу – сам воздух был уже другой. Голая земля осталась позади. Теперь нам надо было миновать маленькие поселения, похожие на ковбойские городки, какие показывают в вестернах, с серыми, покрытыми пылью домиками. Позади нас сели стервятники, пронизывающими взглядами осматривая наши силуэты, хлопая крыльями, жадно зарывали свои когти в землю, ожидая своего часа. В миле от дороги находилась огромная впадина с пересохшим соляным озером. В потрескавшуюся от жара землю попрятались мелкие ящерицы: при нашем приближении они перебежали с места на место. Мы остановились на окраине поселка. Нужно найти машину – именно с этой целью мы завернули сюда. В центре пролежала пустая дорога, а по бокам вполне уютные жилища, если не считать пыли после колючего песчаного урагана. Кое-где, на общем фоне приземистых построек выделялись двухэтажные дома, как на спокойных улицах пригородов Америки, где семейные благонадежные граждане обустраивают свой очаг, чтобы растить детей и жить в свое удовольствие. Мы проходили мимо онемевших дворов, чувствуя напряжение друг друга.

– Все, пошли отсюда, – развернулся я.

Я не решался идти дальше, слишком напряженная стояла тишина, лишь ветер дул вдоль улиц, хлопая открытыми створками окон.

– А как же машина?

– Здесь слишком опасно, – (Мейсон, как затравленный зверь, втянул воздух ноздрями).

– Мы не сможем отсюда выбраться, если будем идти так, без транспорта.

– Жара уже спала. Видишь, как прохладно дует ветерок... – пыталась успокоить мужа молода леди, качая хныкающего ребенка.

– Вы предлагаете бродить здесь и дальше? Здесь пахнет смертью, кроме нее мы ничего не найдем.

– Я не собираюсь слушать какого-то сопляка...

– Этот сопляк спас нам жизнь, Рой. Много ли ты встретил людей, которые с радостью хотели оказать помощь, нуждающимся в ней незнакомцам?

– И что теперь?

– Будь благодарен. Ни один человек нас не подобрал, лишь одни дали воду и бросили умирать на дороге. Помнишь это?

– Я просто хочу, чтобы больше никто не умер. Разве меня трудно понять?

Я смотрел на здоровяка в клетчатой рубашке. Со стороны он выглядел таким большим, но был растерян в этой ситуации, как дитя. Его бедная жена старалась разрядить обстановку. В страхе поглядывая по сторонам, она крепко прижимала к груди своего несчастного ребенка.

– Ты с нами, Мейсон? – спросил меня громила.

– Будь что будет.

Мы пошли вперед, не замечая паучков, которые только появились на свет и путешествовали по небу с помощью маленьких паутинок, уносимых легким ветром. Они проносились в воздухе, цепляясь за нашу одежду и лицо. Мне передался страх, который только что я уловил на лице Дины. Вдруг мы попадемся, вдруг стая бешенных ждет нас за следующим поворотом? Но поворотов не было, и мы шли прямо по городу – по длинной, нескончаемой улице. На пути нам попало какое-то заведение с вывеской посередине:

«Добро пожаловать в «Дикий Кайот».

Со стороны оно казалось таким светлым и приветливым, но все равно мы подходили к нему с осторожностью и очень медленно. Недалеко от входа в нерешительности остановились.

– Может, нам стоит зайти туда? Пойду, проверю.

Я последовал за Роем, заходя в тень от козырька над широкими ступенями.

– Это бар, – вглядываясь в окно, сказал он.

Дернул за ручку, и дверь поплыла вовнутрь, открывая нам проход. Мы переглянулись, и он первый решил войти.

Через окна проникал полуденный свет, неровными пятнами ложась на пол. Стекла в небольших окнах были сделаны в виде цветной мозаики. Внутри преломляющиеся цветные тени смешивались с тенью от бара и ступенек, ведущих наверх. Было слишком тихо. Мы стояли у прохода, не решаясь пройти дальше, потом Рой позвал свою жену, и мы закрыли дверь, чтобы никто не заметил нас с улицы и не напал сзади.

Чувство страха притупляло мысли. Я глянул в сторону барной стойки – самого затемненного места в этом помещении. Чувствовалась угроза, исходящая оттуда. И как назло, там что-то зашевелилось, закопошилось, производя пищащий звук. По сердцу пробежал холодок.

Снова все замерло.

И вот опять! Вновь какой-то шум... Он был в нескольких метрах от нас, но не настолько близко, чтобы разглядеть, что там происходит.

Дина испуганно дернула мужа за рукав, пытаясь подсказать, что надо убегать отсюда, но он медленно потянулся к стойке. Она последовала за ним, в то время как я отступал в тень.

Шаг.

За ним еще...

До барной стойки было около пяти метров – не так уж и близко, вполне можно убежать, но что это было? Осторожно подходя к бару, пытаясь не наступить на что-нибудь, производящее шум (мусора под ногами было достаточно много: обрывки бумаги, пустая пачка сигарет, треснутое блюдо), Рой подобрал с пола кусок арматуры и крепко сжал ее в руке. И тут, из-

под разбросанных бумаг выскочила большая крыса, держа в зубах кусок зачерствелого хлеба. Заметив нас, крыса тут же кинулась в сторону окна, бросив свою добычу. От неожиданности Дина отпрянула назад и приглушенно вскрикнула, задев голой пяткой окалившуюся острыми краями разбитую бутылку. Я и Рой одновременно обернулись, посмотрев на лестницу, ведущую вверх.

Немного ранее...

Юго-Запад США

Аризона

– Ты оставил Бронкси еды?

– Конечно. За ним присмотрит Элеонора. Хотя его можно было взять с собой. Не вижу в этом ничего страшного, у нас большая машина.

– Ехать в другой город к твоему брату, с собакой, где эти несносные дети? Они не дадут Бронкси покоя. Ты что, с ума сошел? Он бы сразу умер.

– Такие собаки не умирают.

– Что это за непонятная суматоха? Везде постовые, проверки. Раньше все было не так, все было спокойней. Когда я приехала...

– О-о-о, ты вспомнила свое детство.

– А что, я так старо выгляжу? – удивилась молодая женщина и толкнула мужа в бок. – А? Говори.

– Ну-у, восьмидесятые – это уже легенда.

– Ах ты негодник, – игриво накинулась она на мужа, сидящего за рулем старенького мерседеса. Свободной рукой он цепко обхватил ее за талию, прижав к себе, и потянулся к ее губам. Она не сопротивлялась.

Полдень

Утренний зной пустынной дороги

21 век

– Ты взял сумку с подарками?

– Да.

– К этим постам так тяжело добираться, а еще с ними спорить приходится.

– А ты не спорь.

– Это солнце светит мне в лицо, – произнесла она, опустив козырек, прикрывающий верхнюю часть лобового стекла. – Фу, какая жара, я сейчас умру.

– Все окна открыты, хочешь, остановимся?

– Зачем? Чтобы зажариться окончательно? Эти скалы всю дорогу... Они меня замучили... Давай уедем отсюда.

– Куда?

– В Чикаго, например.

– И кто нас ждет там?

– А что нас ждет здесь?

– Жизнь и семья, – вновь потянулся он к ней за поцелуем. – Ты же хочешь ребенка?

– Да, но где он будет здесь жить? В нашем Богом забытом городке?

– Переедем... со временем. А что здесь плохого? Это моя родина.

– Вся Америка – твоя родина. Не только этот город.

– Я здесь вырос, Молли. И что это вдруг ты на середине пути захотела уехать?

– Вот как раз здесь и захотела. А ты бы не хотел куда-нибудь уехать? Подальше отсюда.

– Здесь тоже неплохо. Здесь наше место.

– Смотри! Это же койот. Куда он бежит?

– Обычно это очень осторожные животные. Странно... Какой-то он ненормальный.

Собака пустыни остановилась у камня, посмотрев в их сторону тяжелым взглядом, и завyla протяжным воем, задрав морду.

– Ты видела, как она смотрела на нас?

– Да, действительно странно...

– Это была самка. Где-то поблизости ее детеныши. Скорей всего, она бежит к ним.

– Ты так хорошо знаешь койотов?

– Я вырос здесь и это мои самые любимые животные. Они всегда настороже, любят и охраняют своих детей. Они одиноки в этой пустыне.

– Мы тоже, по большому счету, в пустыне, – шутливо ответила Молли.

– Не сравнивай их с нами, хотя... мы очень похожи. Во всяком случае – я.

– Ты тоже койот? – улыбнулась она.

– Да... Я тоже койот.

Час спустя

Пограничная зона

– Подъезжаем, улыбайся им.

– С чего бы это? – Молли торопливо припудривала лицо, глядя в зеркальце в круглой пудренице.

– Могут не пропустить.

Они на низкой скорости подъезжали все ближе к посту, перегороженному шлагбаумом. У проезда стояли два человека в форменной одежде. На поясе у каждого были пистолет и дубинка. Один из них ходил кругами, постукивая дубинкой по ладони...

– Веди себя естественно, улыбайся, – тихо произнес Ян сквозь зубы, глядя на одного из них, явно ждавшего, когда они подъедут.

– Здравствуйте, – сказал он, опустив стекло.

– Добрый день. Куда едете?

– В гости.

Ян пытался разглядеть глаза полицейского за темными очками.

– Вдвоем?

– Да.

– Покажите документы.

– Вот, – вытащив из кармана два паспорта, Ян протянул их через окно.

Тот, чей взгляд нельзя было уловить, небрежно взял документы, посмотрев на жену Яна.

– Хуан, подойди сюда.

Чуть опустив голову и посмотрев на шофера поверх очков, он заговорил на испанском, обернувшись в сторону худощавого молодого парня. Отойдя в сторону, они продолжали разговаривать, то разглядывая документы, то снова вглядываясь на сидящих в машине.

– Что это они?

– Не знаю.

– Выйдите из машины, – сказал тот, кто казался постарше, при этом он держал в руке паспорта, явно не собираясь их возвращать.

– Зачем? Что-то не так?

– Пограничная зона, вы не проходите, – сказал он, как робот, без намека на какую-либо эмоцию.

– Что все это значит?

– Вы не проходите. Выйдите из машины.

Ян приоткрыл дверь и вышел из автомобиля, полицейский освободил ему дорогу.

– И она.

– Выходи, милая, – произнес Ян.

– Что-то не так? – робко произнесла пышногрудая Молли.

- Вы не имеете права проезжать.
- Почему?
- По закону.
- По какому закону? Я преступник? – возмутился Ян.
- Вы грубите.
- Я Вас спокойно спросил.
- Нет, Вы грубите.
- Ян, не спорь с ними, – умоляюще обратилась Молли к своему мужу.
- Отдайте мои документы.
- Нет.
- Как нет?
- Мы не закончили.
- Отдайте документы, мы уедем обратно.
- Я Вам сказал... мы не закончили.
- Ян потянулся за паспортами.
- Отдайте наши документы!
- Я Вам сказал...

Последовал удар в лицо локтем, от которого Ян рухнул на землю около машины.

- Мы не закончили.
- Что Вы делаете?! – подбежала Молли к мужу.
- Отойдите, мэ. Санчес, возьми ее.

Молодой человек, что стоял вдалеке, подбежал к женщине.

- Что Вы сделали, зачем?

– Не волнуйся, дорогая, – произнес Ян, успокаивая жену и пытаясь дышать через окровавленный нос.

Подбежавший худощавый юноша робко взял ее за плечи и отвел в сторону.

- Вставай.

Муж Молли попытался встать, хватаясь за крыло автомобиля.

- Сядь в машину. Санчес, держи ее крепче.
- Что Вы себе позво... – за этим последовал еще удар.

Ян потерял равновесие и ударился головой о край машины, а Молли стояла в стороне, крепко схваченная тем, кто, на первой взгляд, казалось, легко держал ее за плечи.

- Дай руки. Протяни руки!

Жесткий металл наручников сжал запястья Яна, а грубый удар в спину заставил его поперхнуться.

– Ян, – с дрожью в голосе произнесла Молли, с ужасом глядя на все это. – Что происходит?

- Отпустите нас, – шептал Ян, – отпустите.

– Заглохни! – еще один удар сзади по голове окончательно оглушил его, повергнув в легкий нокдаун.

Взволнованный голос жены продолжал беспомощно звать его. Он не мог повернуться, твердая рука плотно прижимала его голову к горячему капоту машины.

- Отпустите нас, прошу Вас, отпустите! – молила Молли.

Ее крики стали невыносимы, крики, леденящие душу. Он чувствовал, как колотится его сердце, готовое разорваться под той силой, что навалилась на него...

- Нет! – кричала, отбиваясь, его жена.
- Отстаньте, отстаньте от нее!

В ответ на эти требования, рука здоровяка еще плотнее прижала Яна к машине.

- Какие красивые у тебя трусики, – доносились до него похотливые голоса.

- Ты хочешь его, хочешь?
- Ян! Нет, нет... – плач жены взывал к нему...
- Не упирайся, сучка!
- ...Нет, нет!
- Заткнись! – послышался удар.
- Я порву тебя!
- Кончай уже, Хуан! Мне тоже не терпится.
- Я только начал. О, да! Какая же ты сука сочная!

Державший Яна коп, нагнулся к нему, проведя языком по уху, и, обдав лицо горячим гниlostным запахом, прошептал:

- Посмотри, как он положил ее.

Ян увидел в автомобильном зеркале свою жену, отбивавшуюся из последних сил...

- Умеешь лежать в такой же позе, пи...рила?

- Она еще брыкается, Санчез! Какого?..

– Стой... Стой, сученыш! Держи его! - отвлекшись на зрелище на заднем фоне, он не уследил за Яном – тот ударил его головой в нос, очки копа слетели и закатились куда-то под автомобиль.

Разбежавшись, Ян со всего маха шибанул ногой насильника. Позади раздавался отборный мат разъяренного охранника с перебитым носом.

- Бежим, бежим, Молли!

Они кинулись вниз по склону.

- Поймай эту суку! – кричали сзади.

- Бежим, Молли, бежим!

Они бежали, не оглядываясь назад, спотыкаясь о камни, что спрятались в глубоком слое песке обжигающей пустыни.

- Суки... Он сломал мне нос!

- Стреляй в них!

Послышался тонкий свистящий звук выстрела, пуля пролетела между Молли и Яном.

- Стреляй в эту жопастую суку!

Выстрелы следовали один за другим. Она бежала за мужем, почти не отставая, бежала до каменистых скал на северо-запад, за скалами они надеялись найти спасение. Молли заметила, как муж бежит все медленнее, постепенно угасая. С его окровавленной ладони, придерживающей рану на боку, капала кровь, падая в пыль, которая с жадностью впитывала ее в себя.

– Все хорошо, – улыбнулся он, остановившись и тяжело присев на плоское каменистое плато.

– Паршивые гринго! Где они? – раздавались крики издалека. – Найди их, Санчес! Они не должны уйти!

- Не умирай, прошу, не умирай. Боже...

Она плакала, а он смотрел в небо, пытаясь подышать еще немного, с трудом вдыхая жаркий воздух.

- Как красив этот мир. Я не хочу покидать его. Не хочу, Молли...

- Не засыпай, мой милый, не закрывай глаза.

- Солнце светит слишком ярко. Мы будем вместе всегда.

- Что мне делать? – заглушая в себе рыдания, Молли прижимала к себе мужа.

Прижав его к своей груди, она шептала ему слова любви. Нежный голос Молли убаюкал его, как колыбельная песня, с прощальным поцелуем она забрала его последний вдох.

- СТРЕЛЯЙ! – раздался крик.

Преследователи увидели их и начали стрелять в их сторону. Она кинулась прочь от мужа, от тех, кто приближался, бежала в никуда, ища спасение среди камней.

Граница

13:00

Молли бежала в сторону высоких скал, стараясь не попасть ногой в расщелины между камнями, торчащими, как наросты, на плоской равнине.

– Возвращайся! Возвращайся обратно, – позвали обратно того, кто гнался за ней, чьего лица она не видела, слыша только его ругань позади себя. – Уходим отсюда.

– А как же девка?

– Ты и так ее порвал, – звучали отдаленные голоса, эхом разносясь среди скал.

Но она продолжала бежать, пробираясь через камни и ямы. Остановилась лишь тогда, когда почувствовала, что дыхание перехватило горячей петлей ее горло.

Опираясь на острую грань высокой скалы, пытаясь отдышаться, Молли порезала ногу. От боли она упала на камень, припав к нему лбом, бесшумно рыдала и молилась.

Жилы на ее шее разбухли, а крика не было. Беззвучные рыдания сотрясали ее тело.

Пустыня

14:43

Она шла по мертвой дороге, где не проезжали машины. Шла в обход скал, ковыляя как в полудреме, не поднимая глаз от камней под ногами, оставляя на них кровавые следы.

«Молли, я люблю тебя. Я всегда буду с тобой», – звучал голос мужа у нее в голове.

Перед глазами стояло его лицо: такая дорогая улыбка, обращенная только к ней.

– Что это? – прошептала Дина.

Постоялый двор «Дикий Кайот»

с реда

16:25

Рой лишь сильнее сжал в руке железку, почти до судороги, и машинально заслонил собой жену с ребенком.

На верхнем этаже бара, перед открытой дверью в гостевую комнату Рой, Мейсон и Дина оторопело застыли на месте. В комнате кружила бабочка, стараясь не вылететь за грани яркого света солнца, пробивавшегося сквозь окно, который косой линией прорезал помещение. В комнате был старый изодранный диван бледно-серого цвета; дешевая люстра раскачивалась взад-вперед, скрежеща в мертвой тишине своей ржавой цепью.

Волосы незнакомки... Смоченные кровью, они блестели багровым отблеском на свету, пряча ее лицо. Тело изодранно, и на минуту могло показаться, что она сдирает с себя одежду, остервенело ранив себя изломанными ногтями. Абсолютно голая, в позе эмбриона нависла над тем, кто обмяк у подножия дивана. Глаза его смотрели вверх, окровавленные нижние зубы виднелись из чуть приоткрытого рта. Послышались чавкающие звуки. Кепка тучного мужчины сползла в сторону, оголив лысину.

– Что... ч-что это т-так-кое... – попыталась выговорить Дина, как делают маленькие дети, когда хотят закричать.

Рой все увереннее отталкивал ее к лестнице, пряча за собой, судорожно сжимая кулак.

Внезапно чавкающие звуки прекратились. А бабочка, кружившая в свете, вылетела в окно, упорхнув ввысь неба.

– У-у-у, фы... фы... - принохивалась к воздуху, смакуя наплывший на нее пропитанный страхом запах новых людей, она поворачивалась к выходу.

Пятясь назад, Дина чуть не упала со ступенек, которые так некстати оказались под ногами. Ребенок разразился плачем. Дина зажала ему рот, но было уже слишком поздно.

Не поднимая головы, зверовидная девушка застыла на месте...

Рой продолжал стоять, затаив дыхание...

«Я не отдам тебя. Не отдам, моя детка», - пронеслось в голове Дины, и уронив слезу, которая упала в ладошку младенца, она, как в последний раз, крепко прижала к себе свое дитя.

– Бегите-е-е! – закричал со всей силы Рой.

Чудовище в женском облике вскинуло голову и побежало на него, выпрямившись во весь рост. Она отбросила Роя, как тряпичную куклу, кинувшись на женщину с ребенком.

– Дина-а-а... А-А-А-А-а-а!!!

Мейсон бросился по ступенькам вниз, не оглядываясь назад. Позади были слышны ужасающие вопли и борьба. Визг разрываемой женщины, и все это вместе с криком ребенка и ревом отца! Мейсон выбежал из бара и начал кричать, звать на помощь! Но никто не слышал, никто не мог помочь им. Он взывал о помощи и в то же время боялся тех, кто может откликнуться на его крик. По дороге он наставлял себя: в такой ситуации он непременно должен бежать, бросить всех и вся, не позволить никому задержать себя. Но он не смог этого сделать, не смог оставить их там...

До него больше не доходили звуки из этого мрачного здания. Через несколько минут он отправился обратно и остановился перед дверью в бар. Ему было страшно войти и не увидеть их больше живыми... Дверь издала тягучий скрип, впустив в его душу еще больше сомнения и страха – испуганное сердце затрепетало в груди. В полутемном баре стояла мертвая тишина. Боясь оторвать взгляд от пола, он не решался посмотреть сразу вверх. Бесшумными шагами, неуверенно прошел вперед. Сделав шаг, затем второй, третий (его ноги как будто перешли заветную черту), Мейсон очень медленно повел глазами в сторону лестницы, на которой...

– Грег, это ты? Старина Грег, а-ха-а!... –

радостно воскликнул старик, раскрывая объятия встреченному на улице давнему знакомому – другу детства. – Наконец-то наши дорожки пересеклись. Хотя кого-то эти события сближают. Куда направляешься?

– Подальше от города.

– Ах ты, старый пузан! В детстве ты был смелее.

– А ты не уходишь? – серьезно посмотрел тот на радующегося друга.

Обоим было за шестьдесят, оба были в старых, сильно изношенных и давно вышедших из моды пиджаках.

– Зачем? И куда мне идти? Я свое уже отжил. Весь город куда-то спешит, все в панике, а мне идти некуда. А ты, я вижу, еще живчик.

– Да-а... – отвернулся собеседник, пряча взгляд прищуренных глаз. – Я уезжаю отсюда. Хочу еще пожить. И тебе не мешало бы последовать моему примеру.

– Заче-е-м? Я пожил свое всласть. Помнишь, как ты, придурок, свалил на себя домкрат в детстве.

– Это мотор был.

– Да какая разница. Слушай, если не очень спешишь, может, зайдём в эту старую курильню? – они зашли в небольшое открытое помещение, в котором были не заперты двери, но хозяина не было видно. – Твоя мать была хорошая женщина... Помнишь, когда мы приходили, она всегда угощала нас пирожками. Всю детвору. Вкалывала на двух работах. Когда она умерла?

– В 92-ом, в Лос-Анджелесе.

– Вы так далеко забрались?

– Да, мы переехали туда сразу после того, как покинули тот город, помнишь, я тебе говорил. Как его?

Они сидели за столиком и мирно беседовали. В кофейне, несмотря на час пик, никого не было... Старина Грег все так же потирал старую рану, кисти рук все время ныли на перемену погоды.

– Детройд.

– Да, верно. Этот город уже тогда умирал, там нечего было делать, она сразу это поняла, и мы выехали оттуда уже через пару месяцев. В Лос-Анджелесе была ее подруга, мы поехали к ней, погостили некоторое время, пока присматривались... Почему ты не уезжаешь?

– Моя семья живет в Нью-Йорке, там все хорошо, они в безопасности, это главное для меня. А мне какой смысл куда-то бежать? Я уже старый, может у тебя есть цель, а у меня нет. В Нью-Йорке, говорят, все спокойно, это здесь появилась какая-то зараза, люди еще толком не знают, что здесь происходит: то ли эпидемия, то ли кара небесная. Думаю, эта кара – ничто иное, как свиной грипп. Никто не знает, как все заражаются, никто и не видел, как это происходит, но паника распространяется быстро, объявили эвакуацию, все бегут. В нашем округе заражено три населенных пункта. Правительство почему-то молчит, не объясняет, что это, но до Нью-Йорка точно не дойдет. Возможно, это последствия какого-то эксперимента. Спроси любого в городе. Что он тебе ответит? Ничего определенного. Я лишь слышал, что люди становятся неконтролируемыми. Может, это мы, старики, не знаем, ведь в новостях ничего не говорят. Чтобы ни было, оно не доберется до Нью-Йорка. И на этом спасибо.

– Если бы это была простая зараза, люди с такой лихорадочной поспешностью не бежали бы отсюда.

– Я знаю лишь одно. Туда, где начинается распространение вируса, быстро приезжают военные и все чистят. Посмотрим, может, и мне достанется порция гриппа, – рассмеялся Алекс.

– Мой автобус уже пришел, – Грег посмотрел в окно. Через дорогу от них к остановке подъехал белый автобус, остановился, и его двери открылись.

– Иди, опоздаешь.

– Удачи, Алекс, – встав со стула, с плохо скрываемым волнением произнес Грег.

Дверь за ним захлопнулась, оставив за собой его старого друга в темном и вдруг так непривычно онемевшем кафе, ставшим последней точкой их встречи. Совсем недавно здесь не утихал гомон радующихся жизни людей. Грег перешел через дорогу и сел в издававший виды автобус с той стороны, откуда можно было наблюдать за местом, где оставался его друг детства. Он смотрел туда, притулившись лбом к оконному стеклу, ожидая, пока полупустой автобус тронется в назначенное время. Шофер куда-то ушел. Позади Грега сидела парочка и смеялась над чем-то.

В голове крутились мысли о правильности его выбора. Хотя большая часть его жизни прошла в беготне между штатами, ему все равно было неясно, куда и зачем он едет. Было желание остаться здесь и посмотреть, что будет дальше. От этих раздумий его отвлекли необычные события и звуки из переулка, заставив его приподнять голову и взглянуть в ту сторону. Откуда-то появились странные люди. Несколько из них забежало в кафе, где остался его друг, оттуда послышались шум и крики. Остальные, словно дикие собаки из стаи, разбежались по округе. В это время к автобусу торопливо подходил шофер в форменной фуражке, он тревожно озирался по сторонам. На проспекте не было людей, лишь какая-то семья с детьми на руках спешно бежала по тротуару, оглядываясь и тщетно ища укрытия для себя и своих детей.

– Мейсон, помоги мне!

Мейсон кинулся вверх по лестнице: Рой сидел, опершись спиной о стену, и смотрел на него. Упираясь правой рукой в пол, тяжело дышал.

– Дай мне руку, парень, – хрипло произнес он.

Его левая нога была подогнута под себя, он опирался на нее, чтобы совсем не упасть на грязный пол, рядом с той, что уже лежала там с проломленной головой. Рой не мог встать самостоятельно, он мог остаться здесь навсегда. Ужас охватил Мейсона от того, что он видел. Сердце заколотилось где-то высоко, в самом горле. В голове всплыла грустная история, произошедшая с его соседями.

Это была семейная пара с двухлетним сынишкой. Они жили в небольшой квартирке, с пожилой женщиной, которую каждый раз приходилось поднимать, когда ей нужно было сходить в туалет или поменять положение. С парализованными ногами и уже образовавшимися пролежнями, она страшно мучилась, но не умирала, хотя сама хотела этого, видя, как изводятся ее дочка и заботливый зять. И даже маленький внук смотрел на нее с недетским состраданием. Она была крупной женщиной, и каждый раз проклинала себя за те мучения, что причиняет всей семье. Эта женщина желала себе смерти, и по ночам, когда ее никто не видел, горько и безутешно плакала. Порой им даже приходилось вызывать соседей, чтобы помочь ей перебраться с места на место или помыться. Конец наступил, когда этим страданиям шел четвертый год.

Мейсон вспомнил все это, взирая на Роя, пытающегося встать с его помощью. Он держал его под руки, крепко схватившись за грязную, окровавленную куртку.

– Мейсон, – промолвил Рой, тяжело дыша. – Моя жена умерла... Где мой ребенок? Почему он молчит?

Мейсон окинул помутненным взглядом площадку – там, широко раскинув руки, лежала Дина, как птица, сбита на лету. Потом глянул на разорванный маленький трупик, и отвернулся.

– Почему же ты молчишь, Мейсон? – начал паниковать Рой, из глаз его покатались крупные мужские слезы. – Где он? ГДЕ МОЙ РЕБЕ-Е-ЕНОК?!!! – взревел он, как раненный зверь.

– Послушай, ты должен взять себя в руки...

– Моя Дина, моя деточка, о Господи, наш малыш, прошу тебя, скажи, что с ним все хорошо, я молю тебя, ради всего святого, ты спас его... – изменившимся голосом, поскуливая, Рой говорил настолько быстро, что Мейсон почти не улавливал слов, до него все доходило, как сквозь густую вату.

Повсюду была кровь и ошметки содранного мяса. Солнечные лучи играли бликами на истерзанной человеческой плоти.

– ... почему он не плачет, где он?

– Я...

– Мейсон, прошу тебя. Найди моего малыша.

– Он внизу.

– Слава тебе Боже! – широко улыбнулся Рой, как будто не замечая окружающего его ужаса.

Мейсон стоял в проходе, загородив собой лестницу. Стараясь ни на что не отвлекаться, хотя его обувь слегка соприкасалась с пальцами трупа, не отводил взгляда от глаз Роя, с одной лишь мыслью:

«Вставай, Рой. Нужно идти. Вставай, друг. Ты сможешь! Ты сильный...»

– Энакин, папочка уже идет! – в полубреду вскричал тот, цепляясь за плечи Мейсона.

Город Омаха

Среда

14:30

– Пап, расскажи о маме, какой она была?

– Она была чудесной.

Дорожки парка занесены осенними листьями – они навевали воспоминания...

– Такая же, как ты, – отец и дочь сидели на одной из зеленых лавочек без спинок, выстроившихся в ряд вдоль аллеи. Под ногами шуршала листва. Это место нравилось им.

Тихий парк: изредка мимо проходили люди, рассеиваясь, как призраки в пространстве, уменьшаясь и исчезая в глубине насаждений из деревьев с редкой кроной, выстроившихся в длинный ряд по обеим сторонам утоптанной тропы, неровной и чуть бугристой – а дальше лишь пустота из светло-голубого неба, на фоне которого вдали сидела уединившаяся пара. Сверху раздался клоч улетающей стаи птиц.

– Она была такая же красивая? – спросила маленькая девочка у отца.

Он сидел и слушал голос природы, наслаждаясь свежим воздухом и яркостью осенних красок. Чирикали стайки воробьев и порхали с места на место. Воздух был легкий и прохладный, с горьковатым ароматом листьев, опавших и ковром расстелившихся под ногами редких прохожих.

– Она была такая же, как ты, – повторил он, поправив шарф на шее девочки, уютно прикрывшейся на скамейке и весело болтающей ногами. Агнес была в стеганой синей курточке и вязаной шапке, плотно облегающей ее лицо. Из-под шапки по плечам девочки рассыпались гладкие темные волосы. Она поглядывала на отца, ожидая ответа, не по-детски серьезными глазами.

– Такая же красивая, умная, с роскошными волосами.

– Как у той женщины, что прошла? – спросило дитя.

– Да.

– А почему она ушла?

– Я не знаю, – ответил Майкл, посмотрев на небеса. – Не знаю, милая.

Глава 2.

Забывтое

- О, Господи, они прорываются! Они нашли нас!..

Какой странный сон. Говорят, что сны – это зазеркалье, в котором мы пытаемся выжить также, как и в реальности. Говорят, что чудес не бывает, и все надежды – лишь иллюзии нашего мозга. Что такое иллюзии, если это не сны, не мечты, не наши ожидания? И где истинный мир? Тот, где мы существуем, или другой, доступный нам лишь в мечтах?

- Морган! Дай мне оружие, Морган!..

- Они сносят колья! Мейсон, я не удержу их!..

Мне всегда было интересно побывать там, где я не была, в местах, еще не изведанных мною. Мне всего шестнадцать лет, но повидала я в своей жизни многое. Когда-то были счастливые дни, и это все уплыло, растаяло, как утренний туман на рассвете.

Меня зовут Агнес Бишоп, и это моя история. Я жила на окраине города Омаха, в штате Небраска. У нас с отцом была собственная квартира с большой кухней, где горделиво красовался мой любимый алый цветок. Окна моей девичьей комнатки смотрели на восток, и каждое утро лучи восходящего солнца освещали еще неоконченные страницы моего старого дневника. Мы жили и просто радовались каждому дню. Подобно опавшим осенним листьям, они плыли в спокойном течении длинной реки, прозрачные воды которой коварно несли их к неминуемому водопаду, грозно срывающемуся вниз. Раньше все было по-другому. И это никогда не повторится: все то прекрасное, что осталось в другой жизни. Природа подарила человеку великую возможность – способность подавлять в себе воспоминания и боль по утерянному. Иначе человек не смог бы идти вперед, и жизнь давно бы остановилась.

Мой отец работал в автомастерской — чинил машины, их привозили ему из разных концов города. Я ходила в обычную школу, где были свои радости и проблемы. В этом и заключались наши будни. В школе мне нравился Райан, старшеклассник, играющий в бейсбольном клубе. Все девочки при виде его просто таяли. Моими любимыми предметами были история и математика. Классный руководитель всегда говорила, что из меня получится отличный археолог или школьный учитель. Миссис Керeday... Никогда не забуду ее лицо, заостренный нос и худощавое телосложение. Она все время ходила в темном платье с длинными рукавами. Набухшие голубые жилки под увядающей кожей покрыли некогда холеные, аристократические кисти рук, еще больше притягивая к себе внимание благодаря ее своеобразному облачению.

— Агнес Бишоп, к доске, — вызывала миссис Керeday, не скрывая легкой улыбки, глаза ее подбадривающе смотрели на меня.

Каждый выходной день миссис Керeday собирала весь класс, и мы все вместе ходили в кино, на выставки, беззаботно болтали о событиях прошедшей недели, смеялись и обсуждали наши общие проблемы.

По вечерам, сидя на кровати, я, как и многие подростки в моем возрасте, писала дневник. Выплескивая свои мысли на бумагу, я писала о том, как прошел день и что я от него получила. Вся моя история взята из страниц моего нового дневника, который я раскрою вам, перед тем, как уйти отсюда вместе с остальными.

Хочется надеяться, что больше не найдется такая же девочка-подросток, которая переживает похожую драму. Но, увы, это не так, нас слишком много...

Помню, когда я перешла в пятый класс, папа подарил мне щенка. Какое я ощутила блаженство, когда папа вытащил его из коробки, и я увидела это круглое, пушистое чудо с мягкими ушками, обняла и посмотрела в его маленькие глазки-пуговицы! Смешно моргая ими, он растерянно глядел по сторонам, приносясь к воздуху своим вздернутым мокрым носом. Этот день был самый счастливый в моей жизни! Как здорово было иметь собаку — большую и верную, с которой не страшно гулять по ночам! Своего пса я назвала Чек...

Отец всегда разговаривал со мной, как со взрослой, и в тоже время старался чем-то порадовать. Каждый день у нас была традиция — вместе смотреть кино. Мы брали диск с интересными фильмами и собирались в гостиной — я, папа и Чек. Пес всегда лежал на ковре у наших ног и смотрел на телевизор, мирно засыпая под его звуки. Мы никогда не прерывали просмотр нашего фильма, а с трепетом досматривали все до конца. Может, попадалось такое кино, а может, нам просто было хорошо вместе. С наступлением нового дня, каждый приступал к своим обязанностям. Выгуляв утром Чека, я отправлялась в школу, а папа — на работу. Лица моих одноклассников, веселый гомон ребятни на переменах запечатлелись в моей памяти ярким праздником. Горечь оттого, что это никогда не вернется, сжимает болью мое сердце.

На каникулах я поехала в летний лагерь, находившийся в лесах Калифорнии. Мне очень хотелось туда. Я пробыла там целый месяц. Первый раз в жизни поцеловалась с мальчиком и почувствовала, как это приятно. Этот месяц мне показался таким долгим, ведь дома мне все равно было лучше. Лето я почти всегда проводила дома, читая книжки. К вечеру выходила из своей «кельи», чтобы увидеть лицо отца, на котором появлялась легкая улыбка. Он никогда не хмурился, когда смотрел на меня. Не изменяя своей любимой привычке, мы садились к телевизору и смотрели фильмы. Где бы я ни находилась и как бы мне там ни было хорошо, я всегда спешила домой. Уютная атмосфера нашего дома была мне дороже всего. Это были хорошие дни. Дни, которые я не забуду.

У нас была небольшая комната, где мы каждый вечер молились и просили Бога, чтобы он благословил нашу жизнь. И так завершался обычный день, похожий на все остальные, чередой сменяющие друг друга. Мне всегда казалось, что весь мир передо мной открыт, что прекрасное

будущее у меня впереди. Во всяком случае, нас этому учили. Кто-то говорит, что свободу не отнять. Если она есть в душе, то ее не отнимут против вашей воли.

Я и здесь чувствую себя свободной, хотя... Обстоятельства заставили меня закрыть глаза и поверить в то, что наша жизнь и есть тюрьма. Тюрьма, которая выбирает, кто будет ее пленником. Что-то пошло не так, и мы даже не заметили, когда это произошло, в какое время, в какую минуту. Не могли и подумать, где мы окажемся потом. Возвращаясь ко всему пережитому, я чувствую лишь уныние и боль незаживающей раны.

Ощущение детства во мне давно пропало. Когда приходится выживать, детство уходит, оставляя лишь тени прошлого. Как ни удивительно, но то, что говорят о детских воспоминаниях, – правда. Я до сих пор помню до мельчайших подробностей все первые детские страхи и потрясения. И среди всего этого – улыбки, любимые лица дорогих нам людей, которые никогда не сотрутся из памяти.

Мой дедушка умер от болезни сердца, когда мне было пять лет. На его похоронах появился мой первый страх потерять близких. У материнного смертного одра я не осознавала, что это значит. Я стояла, прижавшись к отцу, крепко вцепившись в его руку.

Так странно было видеть деда в деревянном ящике, ставшим его домом. Дедушку своего я называла «Деда». В моих воспоминаниях он всегда живой и любимый. Старый дедушка, сидящий на скамейке и облокотившийся о кирпичную стену, улыбается, глядя, как его внучка бежит по ухоженным грядкам в нарядном платьице и, лопоча что-то себе под нос, изредка подбегает к нему. Было очень забавно звонко целовать его покрытое морщинами лицо и гладкую голову, на которой давно перестали расти волосы.

Его лицо расплылось в такой родной улыбке, когда он обернулся в мою сторону. Оно так и осталось картинкой, словно кадр из киноленты. Этот момент и был самым ярким воспоминанием, засевшим в голове, не теряющим с годами важности и красок. Он был еще не такой старый, чтобы умереть...

Отец с дедом не были похожи: один утонченный, невысокий и стройный, а другой – рослый здоровяк, с крупными чертами лица. Что было у них схоже, так это глаза. Такие же достались и мне: карие, широко распахнутые, с радостью смотрившие на этот мир.

Когда-то все было иначе, пока не пришлось БЕЖАТЬ! Все, что было нам дорого, осталось в прошлой жизни. Дорогие нам люди, уют родного дома, вкусная еда, любимые развлечения – все это у нас отняли!

Не хочу вспоминать то, что произошло потом. Я лучше вспомню мой первый класс – самое волнующее и незабываемое время! Я тогда очень переживала по поводу того, как меня встретят одноклассники, моя первая учительница, директор. Я боялась входить в это большое, величественное здание, каким мне казалась наша двухэтажная школа, хотя уже несколькими днями ранее успела познакомиться с этим могущественным храмом науки. Но тот страх, детский, простой и незабываемый, не покидал меня, пока я не вошла в класс. Я быстро освоилась и нашла первых друзей.

С букетом красных роз, большим и красивым, с белыми бантами на голове я переступила порог школы. Мне бы хотелось подарить эти цветы своей маме, а не учительнице, что стояла напротив, по-доброму улыбаясь нам. Крепко держась за отцовскую руку, стесняясь, но в то же время опасаясь отпустить ее, я боялась всего нового, что нахлынуло на меня...

Моя мама умерла от рака, когда я была совсем крохой. Помню, иногда я боялась заходить в ее комнату, и украдкой заглядывала в чуть приоткрытый дверной проем, стоя в коридоре. Ее кровать была сбоку, а маленький светильник стоял в другом конце комнаты, но я все равно хорошо видела ее лицо: впалые щеки, на голове чуть отросшие волосы... Она была очень худая. Рука ее обычно всегда свисала с кровати, рядом стоял треножник с капельницей, а сама она была в белой ночной рубашке. Грудные ребра тяжело вздымались от каждого ее вздоха. Иногда замечая меня, мама, улыбаясь, подзывала меня. При виде меня она всегда оживала, даже

чуть приподнималась. Я всегда ожидала встречи с ее лихорадочно блестящими глазами. Подходила к ней, стараясь не отводить взгляда от самых дорогих глаз на свете. И тут начиналось представление. Я кривлялась, вертела своим маленьким задом, копируя какого-то комедийного актера. При очередном усердном выступлении у меня спали штаны, но это выглядело так смешно, что я вообще вошла в раж, лишь бы развеселить маму, а мама с таким сожалением смотрела на меня, с такой грустной улыбкой, которую невозможно было разгадать. Несмотря на ее ласковые слова, я в конце начинала хныкать и отец тут же отводил меня в другую комнату... В тот навсегда запомнившийся вечер, в дом я пришла с бабушкой, у которого пробыла достаточно большой срок времени... Я услышала какое-то причитание. Это отец сидел, низко склонившись у ног мамы и что-то невнятно бормотал, горько давясь сдерживающимися слезами. А затем я услышала ее голос. Не могу не вспоминать это без слез... Она звала меня. В комнате горел непривычно яркий свет... Она тянула ко мне руку:

- Агнес... Агнес, подойди, дочка...

В тот день я так и не подошла к ней. Я со слезами убежала в свою комнату, испугавшись ее больного вида. А чуть погодя, я услышала мужской плач, доносившийся из ее комнаты. Громко плача, я подбежала к деду, крепко прижавшись к нему. Он взял меня на руки и начал укачивать. Его губы были плотно сжаты, а из глаз текли слезы.

- Ты плачешь? – сквозь всхлипывания спрашивала я.

- Нет... нет, моя хорошая. Я не плачу.

- Плачешь, плачешь! – кричала я.

- Не бойся, моя родная... не кричи так.

И я обхватила его шею своими ручонками. Обернувшись, я видела сквозь открытую дверь, как мама лежит на своем узком ложе очень спокойно. Она почему-то совсем не обращала внимание на то, как я кричала в надежде, что она снова откроет глаза и позовет меня.

Есть такие люди, кто не верит, что настанет день, когда мы все встретимся с теми, кого потеряли. Мне же с детства было привито, что мы, умирая, навсегда не прощаемся. Когда-нибудь, я всех их увижу. Вера моя давала мне силы заглушать ту боль, что жила в моем сердце. Кто-то не верит в перерождения, Бога и карму, считая это пустыми сантиментами, и к таким людям относились мои бабушка и дедушка по материнской линии. Они просто любили винить весь окружающий мир в своих бедах. С самого начала они были против моего отца. Им казалось, что именно он сделал их дочку несчастной. Моя мама умирала, и ничего уже нельзя было исправить. Никто в этом не был виноват, кроме рока. Она хотела родить от любимого человека, чтобы оставить частичку себя в этом мире. Оставить для него. Отцу навсегда запомнились ее слова, он часто их вспоминал: «Видишь вон ту звезду на небе? Где бы ты ни был, я буду ярко светить тебе, подобно ей». После маминой смерти отец окончательно перестал общаться с ее родителями. Вивиан и Эйден остались без внучки, и, как мне казалось, не очень-то переживали по этому поводу. Лишь один раз, в мои пятнадцать лет, они позвали нас в гости на годовщину матери. Отец терпеливо, долгие годы ждал этого звонка. Он был на работе, и я подняла телефонную трубку. Вивиан горько зарыдала, услышав мой голос. Давясь слезами, просила уговорить папу привести меня к ним. Мы проговорили час, если не больше, я услышала много искренних, жалобных слов, отчего мне самой захотелось плакать. Не знаю почему, но мне не хотелось отпускать ее голос... Наверное, он был очень похож на мамин...

Вивиан и Эйден жили недалеко от океана. Я и раньше видела океан: лазурный берег и пенящиеся волны, но на этот раз запах волн был самым лучшим, он будто до сих пор преследует меня, может, и оттого, что нас пригласили родные для меня люди. Отец говорил, что приглашение это ему кажется похожим скорее на милостыню для сирот или очищением от грехов, так как Вивиан посетовала, что вот уже несколько месяцев ей снится моя мама.

Мы всегда жили отдельно ото всех своей обособленной жизнью. Несмотря на редкие торжества, все равно сиротливо оставались в стороне среди больших семей, и это было не

по нашей вине. Видимо, Господь Бог избрал нам такой путь, чтобы мы шли именно такой стезею. Но многокрылая жизнь может повернуться совсем иначе, и никогда не знаешь в каких ее глубинах окажешься завтра ты.

Видя мой потухший взгляд и угрюмое молчание (я не желала перечить отцу), он согласился на поездку. Мы пробыли там неделю. Нас приняли очень хорошо. Накопленная за все годы скука по мне нашла выход в чрезмерной назойливой заботливости. Они торопились наверстать все упущенное время, которое должны были уделять мне.

Я с упоением встречала большие волны, ныряя в них и с восторгом визжа, радовалась ослепительным брызгам соленой океанской воды. Осваивала акваланг в океанских глубинах, проплывая меж подводными рифами, поросшими, на мое удивление, яркой водной растительностью, играла с медузами, жалящими мои руки. Прозрачные, они скользили сквозь пальцы, стремясь на волю, в океанский бриз.

Вивиан и Эйден казались очень независимыми и самодостаточными людьми. Но потом все изменилось в совершенно неожиданную сторону... Вот уже год, как они живут с нами. Первое время я конечно избегала их, дичилась, и приглашение к океану все равно не смогло сблизить нас. Я считала, что моему отцу очень тяжело находиться под одной крышей с почти чужими для него людьми, сделавшими когда-то ему намного больнее, чем сделал бы это кто-то совершенно посторонний, ибо всегда слово близкого намного глубже режет сердце, чем слово ничего не значащего в твоей жизни человека, проходящего мимо, подобно быстро рассеивающейся тени рассвета и заката, и даже не оставляющего осадок от миража воспоминания. Я очень волновалась в тот период за отца, старалась показывать ему своим поведением, что не очень-то привязалась к загостившимся родственникам, но, как оказалось, напрасно драматизировала. В один из дней он просто пристыдил меня, по одному лишь его взгляду я все поняла. Он считал своим долгом всегда почтительно обходиться с родителями моей мамы, и смог донести до меня, что я должна любить их точно также, как и его. Было видно, что я просто боялась обидеть его. Он старался донести, что вся сложившаяся ситуация лишь проверка для нас самих. Проверка перед чем-то роковым, что каждого может ожидать...

Кто-то говорит, что мы всегда ждали того, что произошло, но к такому мы не были готовы. Все случилось в обыденный день. Я, как обычно, сидела в своей комнате и слушала музыку в телефоне, отец был на кухне вместе с Вивиан и Эйден. Обычный летний день уходящего месяца не предвещал ничего плохого, пока крики на улице не сделали его безумным! Посмотрев в окно из своей комнаты, я увидела людей, бежавших в сторону леса. Наш дом смотрел прямо на пекарню, где когда-то делали такие вкусные булочки. За ней и находился старый, очень большой заброшенный сад, превратившийся в лес, где росло много диких ягод, грибов, был очень густой орешник. Пройти к нему можно было лишь пешком, но была дорога и в обход. Она то и вела к нескончаемым полям, простилавшимся на многие мили. Там не было ни домов, ни других каких-либо построек. В тот день, когда все сразу рухнуло на наших глазах – весь привычный образ жизни, люди с криками начали выбегать из подъездов. Чтобы никто из толпы их не заметил, некоторые осторожно шли под балконами, озираясь по сторонам. С сумками на плечах и с детьми, которые испугано жались ко взрослым, люди стремились скрыться за пекарней. Желая слиться со стенами, они пугались друг друга. Я оторопело наблюдала за убегающей толпой. В этот момент отец начал тарабанить мне в дверь. Я отпрыгнула от окна и отбросила в сторону телефон с наушниками.

- Собирай быстро вещи.
- Что случилось? Куда все бегут?
- Надо уходить.

В этот момент я не понимала, что происходит.

- Успеть, – бормотал он себе под нос, – надо успеть.
- Что происходит, папа?

Он лишь торопливо собирал мои вещи.

– Одевайся, Агнес.

Я быстро натянула на себя свои любимые джинсы-вездеходы, как я любила их называть. Ко мне подошла Вивиан, и с тяжелым вздохом прижала мою голову к своей груди.

– Быстрее же, Майкл!

– Возьмите еду!

Держа меня за руку, отец открыл шкаф и как попало начал запихивать мои вещи в синюю сумку на длинном ремне.

Уже через пару минут мы немедленно вышли из моей комнаты. Все происходило настолько быстро, что я не успевала влиться в этот водоворот.

– Быстрее, – шептал он.

Вивиан и Эйден что-то делали на кухне.

– Быстрее, милая. Быстрее, Агнес.

– А как же Чек?! – в панике закричала я.

– Чек... Где Чек? – оглянулся он по сторонам, рыская взглядом между сумками, как сумасшедший.

В этот момент из кухни выбежал пес и остановился рядом с нами. Мои волосы все время падали мне на лицо, я не могла найти заколку, чтобы собрать их. Они веером рассыпались по моим плечам из-под легкой шапки, которую зачем-то в спешке отец нацепил на меня. Мой папа был светловолосым, у меня же были черные, как смоль, густые прямые волосы, как у мамы. Я все время ими гордилась, а теперь они меня раздражали, и я не знала, куда их деть. Отец накинул на себя ветровку и повесил на плечо увесистую сумку.

– Папа, объясни мне, что происходит...

– Надо выйти из дома. Уйти, – продолжал он впопыхах. – Вивиан, Эйден!..

– Майкл, – запыхавшись, выскочила из кухни Вивиан, за ней неторопливо вышел Эйден, поправляя на побледневшем лице очки.

– Почему вы еще не собрались?

– Мы не пойдем. Послушай меня, Майкл...

– Что значит, не пойдете?

Между ними возник спор.

– Мы сейчас же выйдем из этого дома. Все вместе, Вивиан...

– Прошу, послушай ее, Майкл, – вступился в разговор Эйден. – Мы не пойдем. Времени совсем не осталось.

Бабушка Вивиан второпях начала застегивать на мне кожаную куртку с декоративными замками, зубцы ее металлических молний все время царапали мне руки.

– Прошу тебя, береги ее, Майкл. Я люблю тебя, Агнес, – зарыдала Вивиан.

– Пускай уходят, Вивиан!

На несколько секунд отец в удивлении замер, глядя на них.

– Не спорь со мной, Майкл, – быстро и спокойно говорил дедушка Эйден. Закусив губы, я сдерживала слезы. – Уходите... Спасай ее, Майкл. – он протянул свою большую ладонь моему отцу и тот нерешительно пожал ее. Дедушка Эйден потянул его к себе и крепко обнял.

– Я не уйду без вас, ведь так, папа? Кто-нибудь, скажите мне, что происходит? – захлебываясь слезами, пыталась выговорить я слова.

– Все хорошо, мы просто останемся караулить квартиру, – начал разговаривать со мной дедушка. – А вам нужно ненадолго уйти. Слушайся отца, Агнес.

Они покорно, и как-то обреченно стояли перед нами.

– Я не пойду никуда, папа, нет, НЕТ!

Перед тем как отомкнуть замок, отец, заглянул в глазок.

Открыв дверь, он с опаской выглянул на площадку. Чек был насторожен и стоял позади нас.

– Быстрее, Агнес! – произнес папа, выскакивая из квартиры и осматривая пустой подъезд, он посмотрел в лестничный пролет. – Мы слишком задержались... Только бы успеть.

Чек выскочил из квартиры и побежал вниз. Мы живо преодолевали бетонные ступеньки, старались бежать как можно быстрее и в то же время так, чтобы никто не услышал, как мы спешим добраться до выхода. В это время внизу раздался какой-то гул и страшный крик, крик людей, отчаянно голосивших и пытавшихся спастись, убежать от чего-то. Через застекленные окна подъезда мы видели, как они убегают. Среди них кричала женщина, что-то о конце времен. Не успела я оглянуться, как мы уже были у дверей подъезда. Чек выбежал вперед, погнавшись за каким-то мужчиной, а мы стояли у выхода, не решаясь выйти.

– Чек! – хотела я ринуться в толпу.

Но отец твердо сжал мою руку.

– Пошли, – резко произнес он, стараясь прижиматься к стене, загораживая меня собою.

– Че-е-е-к!

– Он вернется, я знаю, – ответил отец в спешке.

Мы выбежали из подъезда и спешно направились к пекарне, за которой заканчивалась дорога, переходя в большую тропу, по которой бежали люди, но мы свернули в другую сторону – противоположную от бегущих. Там нас и настиг Чек. Он подбежал к нашим ногам и заскулил, будто жалуясь.

– Чек! Чеки, хороший мой.

– Я ведь сказал, чтобы ты не останавливалась!

Я испуганно стала озираться. В криках позади, мне слышалось мое имя, будто кто-то зывал ко мне о помощи.

Мы кинулись в сторону полей, куда никто почему-то не решался сунуться. Все бежали в лес, но папа знал, что с толпой идти не стоит. Все дальше уходя от домов, мы ощущали, что наши силы уже были на исходе, но отец все же тащил меня вперед, не выпуская моей руки. Вскоре он сам остановился, упершись руками в колени, чтобы отдышаться. Я оглянулась. Наш дом уже казался далеким и брошенным: чувство, что мы его никогда не увидим, было очень реальным, а солнце заканчивало свой день – медленно начало садиться.

– Куда мы идем?

– Мы должны бежать. И чем меньше людей нас увидит, тем будет лучше. Увидев их, ты должна прятаться, – пробормотал он, тяжело дыша, и бросил сумку у ног.

Он пытался поскорее отдышаться, чтобы снова идти, хватал воздух открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег.

Мы все ближе подходили к полям. Пшеничные, золотистые поля были похожи на папины волосы, в которых переливались радужными бликами лучи заходящего солнца. От жалости к отцу и ко всем остальным, мне нестерпимо хотелось плакать. И все-таки я не понимала, что происходит. Мне никто не объяснил, почему надо бежать от своего дома и от тех, кто повстречается на пути.

Отдалившись от города, мы шли по мягкой земле. Широкие солнечные лучи ложились на пшеничные стебли и на наши головы, благодатью освещая нашу пыльную дорогу. Мы шли вперед по узкой тропинке. За нами волочился пес. Папа шел угрюмо, не обмолвившись ни словом. Он, похоже, находился в шоке, как и я. Разница была в том, что он знал правду. Знал то, чего не знала я.

Человеку дается ровно столько, сколько он способен вынести. Мой отец часто любил повторять эту древнюю истину, теперь уже проверенную и мной.

- Наконец-то, - хриплым шепотом произнес он, и на последнем дыхании прибавил шаг в сторону старой автозаправки. Следом волочилась я вместе с Чеком.

- Надо было добежать до своего гаража.

- Мы бы не успели. Но зато наши труды не напрасны. Я не просто так сюда шел.

- Странно, что те, о ком ты говоришь, до сих пор не нагнали нас.

- Меня больше беспокоит, почему никто не пошел этой дорогой, - тяжело, со свистом выдохнув, отец оперся о колени.

Пустая территория выглядела так, словно все впопыхах разбежались: везде валялась бумага, легкий ветер поднимал ее вверх, заметая песком чьи-то разбросанные вещи. У заправок автоматов находилось небольшое помещение. Света в нем не было, его темные окна пугали меня. Невдалеке стояли шесть машин, больше похожих на брошенный металлолом, старые, покореженные, они походили на отбившуюся стайку понурых птиц, особенно одна машина с провисающей дверью, как надломленное крыло. Отец попытался открыть дверь проржавевшего «кабриолета» 80-х годов. Под палящим солнцем машина стала серой, краска ее потрескалась и поблекла. Папа уже хотел разбить стекло, но замок поддался в самый последний момент.

- Садись, Агнес.

- Мы оставили умирать Вивиан и Эйдана, - с укором произнесла я.

- Они сделали свой выбор. Они не захотели рушить свой старый мир даже в минуты страшной опасности. Вивиан и Эйдан просто не представляли, куда они могут уйти на закате своих дней.

- Но и мы также не знаем, куда идти.

- В людные места нельзя.

- Ты просто оставил их. Скольких людей ты оставишь еще?

- Я сделал это...

- Ради меня?

Он огляделся по сторонам. Даже не проверив, есть ли в машине бензин, медленно подошел к одному из автоматов.

- Почему здесь столько машин?

- Здесь автомастерская, Агнес.

Он вставил пистолет в бак машины. В воскресные дни лета отец обычно учил меня всем тонкостям шоферского дела, обучал всему, что знал сам. В какой-то степени, я уже была механиком, прилично разбирающимся в особенностях индивидуального характера машин, и немало этим гордилась.

Я села в автомобиль, после того как удостоверилась, что Чек запрыгнул на заднее сидение. Тяжело дыша, он в знак благодарности лизнул меня, тычась мокрым носом в мою руку. Красное солнце практически село за горизонт, но все равно ярко светило в лобовое стекло, слепя глаза, будто вложив в свои лучи последние силы, перед тем как сгореть за рубежом, разделяющим небо с землей.

- Тук, тук... едет малышка Долли... Тук, тук. А я за ней, - как в забытии, повторял отец. Я никогда не видела его в таком состоянии и с растерянностью смотрела на него.

Обойдя автомобиль спереди, отец распахнул ржавую дверь.

- Расположились? - улыбнулся он, пытаясь разрядить обстановку.

Я лишь кивнула головой.

Пес вывалил язык и поминутно поскуливал - ему было жарко. Каково же было мне сидеть в куртке, в душном автомобиле... Я стянула ее и бросила назад, к Чеку. Он следил за нами, высунув морду в проем между передними сидениями. Я вытащила бутылку с водой и, открыв ее, налила воду в ладонь, к которой тут же припал Чек, жадно хлебая из нее. Несмотря на то, что я разливала воду, продолжала подливать ее в ладонь, а потом, когда пес утолил жажду, сама прильнула к бутылке с оставшейся теплой влагой.

После того, как отец наполнил бак бензином, он взял на заднем сидении пустую канистру, вытащив ее из-под Чека, который уютно разместился на всех валявшихся вещах. Еще пара минут, – и она также была наполнена топливом. Отец поставил ее в багажник, благо крышка багажника не закрывалась, ключ к нему не потребовался. Всматриваясь в лицо отца, я заметила, что его взгляд остановился на небольшом помещении перед нами. Я поняла, что он сейчас пойдет туда.

– Сиди здесь, – обернулся он ко мне. За закрытыми стеклами автомобиля его голос звучал приглушенно.

- Не ходи туда, папа.

Ноги мои налились свинцовой тяжестью, я со страхом вцепилась в ручку двери.

«А может, это место давно было покинуто людьми, и все не так уж страшно?» – тешила я себя надеждой.

Отец не торопясь направился по светлой бетонной дороге к зданию, которое пугало своим мрачным заброшенным видом. Чем ближе он к нему подходил, тем сильнее билось мое сердце – все было, как в страшном сне. Остановившись у закрытой двери, отец потянулся к ее ручке, осторожно надавил на нее, словно пытаясь не спугнуть того, кто мог находиться по другую сторону. Ничего хорошего это не предвещало. Узкая линия тьмы расширялась, поглощая отца. Он вошел в бессветье и потерялся из виду. Его не было несколько минут. В машине до меня не доходили звуки, но по приказу отца, я сидела и ждала, боясь, что он не выйдет оттуда, что дверь, закрывшаяся за ним, никогда не откроется...

Не было слышно ни щебета птиц, ни других голосов природы, все будто бы вымерло, только Чек беспокойно скулил позади. Я застыла в ожидании, в голове крутились недобрые, пугающие мысли. Нельзя было разглядеть, что творилось в здании, за окнами было слишком темно, чтобы что-то увидеть. Еще через несколько минут из здания раздался какой-то шум, похожий на хлопок. Что это было? Чек с силой ударился о дверь, желая вырваться к ушедшему хозяину. Минуты тягостного ожидания показались мне вечностью. Но тут вышел отец и быстрой походкой направился к машине. Вдох облегчения вырвался из моей груди. В левой руке он держал белый полиэтиленовый пакет, внутри которого что-то виднелось, в правой руке у него было ружье – длинное большое ружье, он чуть не волочил его по дороге. Я смотрела в запыленное окно, с нетерпением ожидая, когда же мой папа подойдет ко мне. Дверь распахнулась, он передал мне пакет, наполненный разной снедью. Оружие отец оставил возле себя. А затем полез в провода под рулем, чтобы эта старая колымага ожила. Машина была на ходу, видно, что ею пользовались каждый день.

Одна маленькая искра – и мотор заревел.

– Поехали отсюда.

– Что там было?

– Труп. Кто-то застрелился.

Он сказал это как-то обыденно, как будто мы давно должны были к этому привыкнуть. Больше я не стала ни о чем расспрашивать, лишь молча смотрела в неведомую даль. Мой взгляд привлекло странное движение – стебли в поле зашевелились. Отец замер, уставившись в сторону зрелых колосьев. И машина заглохла, словно тоже решила замереть, чтобы не выдавать своего присутствия.

– Что...

– Тихо.

– Что происходит?

– Они идут, – прошептал он, пытаясь сдвинуть автомобиль с места.

– Кто идет?

– ОНИ идут, Агнес! – закричал он. – Закрой двери!

Кто-то приближался к нам, быстро двигаясь через поле. Послышался звук, напоминающий дикое рычание. Золотые колосья сокрушались под натиском низко склонившихся людей, которые бежали, пригнувшись, словно звери, выскочившие из засады.

Все ближе... Теперь уже различимы их лица.

– Ну же, Господи. Заводи-и-и-сь!..

Небольшой навес на двух столбах у старого сарая задрожал от рева машины. Отец завел ее, резко нажав на педаль. Машина рванула вдоль дороги.

– Папа!

– Не бойся, Агнес.

ОНИ сменили направление и двинулись наискосок по полю, за машиной, уезжающей прочь от гиблого места. Не надеясь перехватить нас среди густой пшеницы, выбегали на дорогу. Не догнав уезжающий автомобиль, рванувший из последних сил, они остановились. Глядя в боковое зеркало, я видела их лица, которые отдалялись, скрываясь в клубах пыли из-под колес старой жестянки. Тяжело дыша от быстрого бега, в изодранной, словно в развевающихся сава-нах одежде, они все равно готовы были кинуться в погоню.

– Это ОНИ, это ОНИ, папа?! – испуганно произнесла я.

– Да. Знаешь, когда мне плохо, я просто вспоминаю хорошие моменты своей жизни. Отвлекись и вспомни, моя родная. Помнишь, как мы добирались к тетушке Эльмур? – И затем тихо проговорил: – Она счастливая, ей не пришлось видеть то, что видим мы.

– Куда мы едем?

– Не знаю, – следя за дорогой, промолвил он. – Я не знаю.

Мы ехали все дальше, не зная где остановиться. Просто ехали по пустынной дороге, где не было людей – это было для нас главным: нужно было сторониться города и всего живого. Проехали еще несколько километров, все больше отдаляясь от городских строений. Солнце уже спряталось за горизонтом, освещая небо зловещим розовым светом. По обеим сторонам узкой дороги заканчивающиеся пшеничные поля почему-то были огорожены колючей проволокой. Я в удивлении посмотрела на отца.

– Когда здесь успели огородить поля?

– Кто-то многое от нас скрывал, – последовал ответ.

То, что мы увидели, заставило нас остановиться и в удивлении выйти из машины: длинная вереница брошенных автомобилей, растянулась по направлению к главной трассе. Пока мы пытались подальше убежать от собственного же дома, родных, те, кто раньше нас сделали это, попали в ловушку. Открытые настежь двери машин, авария в начале пробки (одна из машин врезалась в загородившие дорогу шлагбаумы). Повсюду на земле были пятна крови: на побитых дверных стеклах были следы рук с содранной кожей. Вид брошенных машин с сумками, с раскиданными детскими вещами, заставил меня в ужасе застыть. Людей нигде не было видно. Ватная, зловещая тишина поглотила все живые звуки. Если бы не мой отец, нас бы постигла та же участь. Подобно волку-одиночке, он избегал обезумевшую людскую стаю. Нам нужно было торопиться, нужно было уходить с этого места. В любой момент могли появиться те, что рыскали в поле, в поисках добычи, вынюхивая человеческий запах. Отец содрал колючую проволоку, которая не давала проехать по полю, и сделал небольшой проход для машины. Руки его дрожали, спешно пытаясь справиться с колючей сталью. Он не замечал кровоточащих ран на своих пальцах.

– Папа, твои руки!

Он снова сел в машину и молча направил ее в густую пшеницу. По моему лицу стекали слезы, горьким градом падая мне на колени.

Со страхом оглядывалась я по сторонам, смотрела вдаль: не шевелятся ли стебли вдалеке, скрывая тех, кто, возможно, находился на этом большом просторе. Казалось, что мы

находимся в середине золотого моря. Ветер играл наливными колосьями, пробегая по их зрелым верхушкам.

Уже стемнело. Отец быстро вышел из автомобиля, оглядываясь на просторы, пугающие нас. Стоя по пояс в хлебах, он пытался выбрать правильное направление. Мне казалось, что ОНИ выжидают там, совсем недалеко, высматривая нас своими кровавыми глазами, вынюхивая нашу кровь и человеческую плоть.

В тот день папа поведал мне все о слухах, недавно появившихся в городе – о новом ужасе человечества. Поэтому, когда еще никто толком ничего не понимал, лишь некоторые были готовы к такому исходу. Несколько городов были охвачены заражением. Как только началась паника, уверовавшие в слухи были первыми, кто убежал. Мы не были в их числе. Наш район не оповестили, что в этот день, за несколько часов, город погрузился в полный хаос. Многие люди бежали в сторону леса: началась паника – она охватила и нас. По радио передавали, что это биотерроризм. Задержавшись хотя бы на несколько минут, мы бы уже не смогли выйти из дому и обрекли бы себя на заклятие, хотя никто не знал, что нас ждало впереди – спасение или гибель. Глядя с балкона, на уходящих людей с сумками, отец не мог поверить в тот ужас, который надвигался на нас и уже подходил к нашим домам. И когда раздались крики, что ОНИ идут, многие остались в своих жилищах, не ведая о страшной беде, так внезапно ворвавшуюся в их жизнь. Убегая, я слышала злобный рык за своей спиной, и только теперь поняла, что это было. За нами остались последние, те, кто до последнего не верил...

Преодолев колючие ограждения, мы быстро пробрались сквозь пшеницу. Хороший в этом году был урожай. Жаль, что он так и пропадет необранным. Всю ночь мы ехали по пустой трассе. Кругом не было ни единой живой души, словно само древнее зло решило искоренить всех людей и животных. И это только первый день...

Глава 3.

В середине большого города

13:45

Они встретились в толпе, на переходе через оживленный проспект, среди скопища машин, не желающих терять ни секунды своего времени. Идя по «зебре» и обходя блондинку с завитыми волосами, которая переходила эту сумасшедшую дорогу с потоком спешащих куда-то людей, она вгляделась и не поверила своим глазам.

– Линда! Линда Магуайр! Это ты?

– Хлоя? – неуверенно произнесла белокурая девушка, а через секунду залилась от восторга румянцем, узнав невысокую подругу с короткой стрижкой, делавшей ее похожей на мальчика с задорно вздернутым носиком.

– Линда! Привет, пупсик! – они обнялись. – Боже! Ты как сюда попала? – произнесла Хлоя, с улыбкой разглядывая яркую блондинку в короткой джинсовой куртке, из-под которой виднелась белоснежная водолазка, джинсовые брюки красиво подчеркивали фигуру, делая ее еще выше.

– Я здесь работаю и снимаю комнату.

– О Боже, я не верю! Давай пройдем куда-нибудь. Ты, кстати, где живешь?..

Через двадцать минут они уже сидели в ресторане «Красная Жемчужина».

– ...Ты рассталась с ним?

– Несколько месяцев назад, – ответила Линда. – Он сейчас совсем не такой, каким был. Ты его сейчас не узнаешь. Стал грубый, злой...

– А он и был таким, – отпила из стакана сок Хлоя. – Я тебе говорила, что он не такой уж хороший.

– Он оказался еще хуже. Ты не представляешь, какая сволочь.

- А Бак?
- Бак в Европе.
- Что? – наигранно захлопала ресницами Хлоя, отставив стакан сока в сторону. – И как давно?
- Уже год как во Франции.
- Надо же... А как его мама?
- Она, как всегда, занята своим здоровьем. А ты сейчас с кем? – было видно, что разговор о прошлом Линде в тягость, и она попросту сменила тему.
- Бизнесмен, женатик, работает в известной рекламной фирме.
- Женатик? – переспросила Линда.
- Да. Я работаю в его фирме.
- И как он? Вас жена еще не застукала?
- Шутишь? Она дальше своего носа не видит. Мы же не встречаемся у него дома.
- И кем ты пристроилась в этом рекламном агентстве? – Линда сидела ближе к выходу, положив сумочку на стул у окна, и тоже медленно, отпивала сок из бокала.
- Так... работа с документами, ты Расскажи лучше, как ты сюда попала?
- Я встретила с одним парнем, Дмитрием. Он помог мне устроиться здесь на работу. Я как раз закончила колледж, мечтала выбраться, наконец, в большую жизнь. Вот работаю, снимаю квартиру...
- А сейчас ты случайно не с Дмитрием?
- Нет. Он хороший парень, но мы с ним просто друзья. Знаешь, как бывает, – попыталась тактично сформулировать слова Линда, – когда молодая девушка попадает сюда... Я тоже думала, что он что-то хочет от меня. Но, нет, он бескорыстный, порядочный парень. Да у него и девушка есть.
- О-о-о, глаза у тебя загорелись.
- С чего ты взяла? – удивленно ответила Линда. – Нет. Дмитрий – всего лишь хороший друг. Мы с ним познакомились в колледже, а здесь у него брат живет.
- А как твоя семья? Я соскучилась по твоему братику. Он уже подрос?
- Да. За три года подрос. Ему уже девять.
- Хороший малый. Будущая опора в вашей жизни. А твоя мама? Ты же никуда не спешишь?
- Нет, мама сменила работу. Вот и все, а остальное все по-прежнему. Там ничего не изменилось.
- Хорошо, что ты сюда приехала... – сказала Хлоя, сделав непонятную, затянувшуюся паузу, будто хотела дополнить чем-то свои слова.
- Может, закажем что-нибудь? – решила прервать невольное молчание Линда.
- Если хочешь... Я просто на диете сейчас, – сморщила свой носик Хлоя.
- Я тогда тоже ничего не буду. Хотя давай закажем хоть по кусочку этого вишневого торта... Будешь?
- Ну давай, что же с тобой поделаешь? – засмеялась Хлоя, которая всю жизнь боялась набрать вес. Ее всегда дразнили из-за полноты и маленького роста, и она заметно комплексовала из-за этого, потому постоянно изнуряла себя разными диетами и тренировками. Ей показалось, что в последнее время весь мир дарит подарки людям и каждый находит тех, кого ищет или давно не видел. Почему-то эта мысль к ней пришла совершенно спонтанно. Сегодня ей захотелось сделать все то, в чем она отказывала себе. – Можно попробовать и тортик.
- Через несколько минут они определились с выбором, заказав пирожное с вишневой начинкой. Их обслуживал шикарный, как им показалось, официант – стройный молодой красавец с черными выразительными глазами. Он принял их заказ и очень приглянулся Хлое. Хитрость – вот что отличало Хлою от Линды. Линда была более открыта в общении с людьми

и всегда прямо высказывала свое мнение, она была так же легка, как и ее светлые воздушные волосы.

– Спасибо, – кокетливо произнесла Хлоя, посмотрев на официанта томным взглядом.

Она положила меню и, посмотрев в окно, задумчиво проследила за проходящими мимо людьми. Официант уже покинул их. Пятнадцать минут спустя она уже облизывала вилку, стараясь не оставить на ней ни кусочка от мягкого пирожного с вишенкой наверху.

– Какое вкусное.

– А ты не хотела, – засмеялась Линда.

Хлоя снова посмотрела в окно.

– Что с тобой?

– Ничего.

– Ты куда-то спешишь?

– Нет, просто отвлеклась. Может, закажем еще что-нибудь, например, салатик.

– А как же твоя диета?

– Плевать. Я и так худая. Я себе все-таки закажу. Уж очень хочется попробовать. Официант! – она призывно подняла руку.

– Так ты кто у нас? – спросила Линда.

– Как кто?

– По профессии? Я забыла, что ты окончила.

– Финансист. Я окончила финансовый, – Хлоя снова мельком взглянула в окно.

– Все, вспомнила. Ну тебя здесь, по крайней мере, не обманут. Я уже соскучилась по родным, особенно по своему маленькому братцу.

– А мне тогда каково?

– Ваш салат, мэм, – официант принес красиво украшенное блюдо.

– Какой красивый, – из ее слов невозможно было понять, к кому относилось сказанное – к официанту или к салату.

– Ну, Хлоя, ты вогнала его в краску, – засмеялась Линда. – Ты всегда была решительней, чем я. Потому и выбилась в люди.

– Куда там... Ты ведь тоже выбилась. Главное – задержаться здесь. А как ты решилась бросить Артура? Я так и не успела тебя спросить.

– Он сам меня бросил. Кувыркался с девицей в нашей кровати. Пока я бегала, устраивала наши дела.

– В вашей квартире?

– Да. Я его застучала как раз, когда они делали это. На вид приятная девушка.

– Хоть космы ей повыдергивала?

– Нет, я старалась даже не смотреть в ее сторону, не сталкиваться взглядами. Она быстро оделась, сперва в простыню укуталась, в общем... даже вспоминать не хочется. Давай о чем-нибудь другом поговорим.

– Как хочешь. На твоём месте я бы на ней отыгралась.

– Ты ничего не замечаешь?

– Да нет... ничего, – пожала плечами Хлоя, хотя сама тоже ощущала непонятную тревогу.

Что-то притягивало ее взгляд к окну.

– Вкусный был десерт.

– Да, вкусный, – удрученно нахмурилась Хлоя.

Она смотрела на вилку. У нее из головы не выходило, что это предмет, которым можно убить. Острия зубцов так и манили ее, когда она смотрела на них, опустив голову.

– Ты на какой улице живешь, Хлоя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.